

A movie poster for the film 'Georgiy Lanskoy'. The central image shows a woman with long dark hair, wearing a black leather jacket, a black beanie, and grey leggings, holding a silver chain leash attached to a Rottweiler. The dog is standing on its hind legs, barking. They are on a snowy street in front of a building with stone steps and a black metal railing. A shattered window is visible in the upper left corner. The overall tone is dark and suspenseful.

Георгий Ланской

**Джайв
с манекеном**

найди меня, если сможешь..

Георгий Александрович Ланской
Джайв с манекеном
Серия «Козырная пешка», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3308065

Аннотация

Алиса Мержинская, благополучно проживавшая в парижском пригороде, вновь настигнута призраками прошлого. Чтобы спастись, ей в очередной раз приходится бежать. Однако спасительное убежище превращается в смертельную западню, где ей придется лицом к лицу столкнуться с давним врагом. Как выжить в таинственном доме, где никому нельзя доверять, а единственным союзником станет жестокий убийца?

Содержание

Пролог	4
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Георгий Ланской

Джайв с манекеном

Пролог

Окутанная саваном лунного света комната казалась склепом.

Лежать в одном положении было неудобно. Я перевернулась на бок, стараясь сделать это как можно тише. Зверь поднял голову и уставился на меня. Я не могла его обмануть. Зверь всегда знал, когда я сплю, когда притворяюсь, когда плачу или смеюсь.

Сегодня я не спала, смотрела, как ползет по стене голубой прямоугольник света, а зверь чутко ловил каждый шорох.

За окном было тихо, и только старые ели слабо махали темными лапами, подавая знак темному стражу, застывшему у моей постели.

Он поднялся и медленно подошел ко мне, дыша в лицо жарким, вонючим смрадом, а потом влажный горячий язык коснулся моих мокрых щек, слизывая слезы. Я обняла его лобастую голову, уткнувшись в короткую черную шерсть. Зверь не шевелился и только шумно вздыхал, прикасаясь к руке холодным носом.

Я училась спать по ночам заново, реагируя на каждый

звук. Но ночные шорохи – пусть даже не самые приятные гости – были куда лучше снов: тягучих, липких, как смола, затаившихся во мраке, построенных на костях воспоминаний.

Воспоминания, которые я вполне удачно давила днем, топча каблуками туфель, приходили ночью, впиваясь в беззащитное сознание, как крючки в желтый рыбий рот, раздирая и уродуя, заставляя корчиться в агонии.

В кошмарах, мечась на скомканных простынях, я всегда видела их, людей из прошлого. Грустных, веселых, ускользающих от моих вопросов, дающих бесполезные советы. Страшнее всего было просто ловить на себе их укоряющие взгляды. Каждый раз, когда я видела их: двух женщин, двух мужчин, я плакала, а зверь беспокойно озирался по сторонам, ища обидчиков.

Сегодня, забывшись в коротком беспокойном сне, я увидела ее. Сухонькая женщина, почти старушка, с несгибаемой, словно затянутой в корсет спиной, сидела на тротуаре, прося подаяние. Люди скользили мимо, словно не замечая ее. Женщина не пыталась протягивать к ним руку. Даже в такой позе – со скрещенными по-турецки ногами, она казалась королевой. У ее босых пяток стояла перевернутая шахматная доска.

Прохожие вдруг развернулись, и все, до единого, пошли мне навстречу. Я с ужасом увидела их лица: грубые, белые и черные, отливающие лаком, безгубые, с мертвыми, залитыми белилами или тьмой глазами. Они чеканили шаг, проходя

мимо старушки, и бросали к ее ногам шахматные фигурки. Ладьи, кони и пешки падали на тротуар с костяным стуком и разбивались вдребезги. Женщина смотрела на меня, строго поджав губы, а потом вдруг протянула руку, указывая на что-то за моей спиной.

Я не обернулась, потому что мне было очень страшно. Проснувшись в этот момент, я долго лежала в темноте, сдерживая дыхание, но он все равно услышал и подошел. Уткнувшись в пахнущую псиной шерсть ротвейлера, я разрыдалась.

Кошмары, бывшие неотъемлемой частью моей жизни почти год, теперь приходили реже, но легче не становилось. Я сползла на пол, баюкая на коленях тяжелую голову собаки.

Ротвейлер был единственным живым созданием из моей прошлой жизни, о которой я старалась не вспоминать. Пес, сам переживший немало горестей, теперь ходил по пятам, пытаясь спасти от любого, посягнувшего на мой покой.

Прямоугольник света на стене наливался красным, становясь более четким. Оконная рама походила на надгробный крест.

Я ускользнула от смерти, оставив ее другим. Ушла с большими потерями, лишившись всех, кого когда-то любила. Убежала, оставив с носом врагов, жаждавших избавиться от ненужной преграды на пути к большим деньгам, от пешки, в одночасье ставшей королевой.

Я легла на пол, прижавшись к теплому собачьему боку. Прошло уже больше двух лет. Научившись спать по ночам,

я разучилась бояться. Кем бы ни были мои преследователи, они меня потеряли. Пес громко задышал от удовольствия, когда я почесала его живот. Я улыбнулась, вспомнив, как жила это время рядом с ним, верным и преданным, лучшим другом человека.

И теперь мне не от кого убегать. А ему не от кого меня защищать.

Хочешь, расскажу сказку?

Часть 1

Я лениво потягивала кофе и разглядывала пустую улочку. Кофе только что открылось, посетителей было немного. Те, кто спешил на работу в Париж штурмовали метро где-то два часа назад, и уж точно не пошли бы пить кофе к Жаку. Для обычных посетителей – любителей погреть косточки под солнцем – время еще не настало, хотя внутри всюду кипела работа, а упоительные ароматы свежих круассанов и кофе приятно щекотали ноздри. С утра в кафе было всего два посетителя: я и старичок лет семидесяти: опрятный, чистенький, по-настоящему французский, с лукавым Ленинским прищуром.

Старичка вычурно звали Максимилианом. Если я имела неосторожность придти в кафе раньше него, он всегда подсаживался рядом, норовил потрепать за щечку, а то и ущипнуть с подзабытым мужским пылом. Правда, в последнее время ему как-то расхотелось это делать. Бакс, с рвением выполнявший функции сторожа, на Максимилиана порывкивал, косился недобро, а однажды даже продемонстрировал зубы. Я долго извинялась, но потом скорректировала утренние прогулки так, чтобы приходить в кафе позже. Теперь я лишь вежливо кивала старичку и, получив свой кофе с булкой, сидела за столиком.

Больше мне никто не докучал. Жизнь в парижском приго-

роде Леваллуа Перре была тихой и сонной. Кафе Жака стояло вдалеке от обычных туристических маршрутов, так что возможность встречи с соотечественниками была сведена к минимуму.

Сегодня, прогуляв пса, я зашла в кафе, уселась за свой любимый столик под зеленым навесом, и стала ждать, пока выйдет хозяин. Жак всегда обслуживал меня сам, не знаю почему. Наверное, я ему нравилась, что вызывало бурное неодобрение его жены и дочери, угловатой, с громадными черными глазами, носом-горбинкой и курчавыми волосами. Жена Жака, грозная брюнетка с буйной гривой непослушных волос, была наполовину турчанкой, наполовину баской, о чем Жак, небрежно обмахивавшийся линялым полотенцем, рассказал не то на третий, не то на четвертый день знакомства.

– Что поделатъ, мадемуазель, – грустно ответил он, когда я поинтересовалась, не ревнует ли его жена к посетительницам, – такова ее доля. Иногда она кипит, как раскаленное масло, и в такие минуты у меня поджилки трясутся. Ведь на кухне полно ножей. Однажды она уже стукнула меня сковородой по темечку, да, да, вот прямо сюда! Но я – француз, черт побери, и не могу не смотреть на красоток...

У Жака были потрясающие способности комика. Когда он показывал мне травмированное темечко, где среди волосиков светилась изрядная плешь, я закатывалась от смеха. Жак хохотал вместе со мной, и с тех пор всегда был рад меня видеть. Вот и сегодня, когда я махнула ему рукой, он тут же

выбежал наружу.

– Еще чашечку, Алиса?

– Пожалуй, – улыбнулась я. – И круассан.

Я сунула под стол недоеденную булочку, и Бакс с удовольствием слопал ее за мгновение. Спешить было некуда. Я поднялась рано, от скуки убрала дом и даже вымыла два окна, мрачно подумав, что мыть окна в шесть утра – предел мазохизма. От подобных мыслей легче мне ничуть не стало. Почувствовав себя никому не нужной и всеми забытой, я даже попыталась всплакнуть, надеясь, что полегчает, но уже спустя мгновение эта идея показалась мне глупой.

Бакс крутился под ногами, дважды перевернул ведро с мыльной водой, причем во второй раз нарочно, в этом я была уверена. Ему тоже было скучно, и раз уж я соскочила с постели ни свет ни заря, могла бы не скоблить эти никому не нужные стекла, а прогуляться по парковой зоне, неподалеку от мэрии, пока не выскочили эти дурни-велосипедисты. Велосипедистов Бакс ненавидел и все время порывался броситься на них. По-моему, они вызывали у него первобытный рефлекс хватать и рвать добычу на части из-за того, что слишком быстро перемещались.

Из окна доносилась музыка, мальчик трагической судьбой пел что-то о победе над самим собой. Слыша этот чистый, высокий голос было даже трудно представить, что его уже нет.

...A corps perdu j'écrirai mon histoire
Je ne serai plus le pantin du hasard
Si toutes les vies sont des causes perdues
Les hommes meurent de n'avoir jamais cru
De n'avoir pas vécu ivres et sans fard
Soldats vaincus pour une guerre sans victoire...

«Всем телом я напишу мою историю.
Я не буду больше марионеткой случайности.
Если все жизни пропащее дело,
Люди умирают, никогда в это не поверив.
Не живя пьяными и без прикрас,
Солдаты, побежденные для войны без победы...»

Грегори Лемаршаль «A Corps Perdu»

Моего французского хватало лишь на отдельные фразы. Если в разговоре, да еще когда собеседник не слишком торопился, я понимала почти все и могла принимать участие в беседе, то песни пока не давались. Однако общий смысл я все же уловила. Песня вдруг приободрила меня, и к тому моменту как Жак принес мне кофе, я уже решила, чем займусь сегодня, сделала пару звонков и теперь, совершенно спокойно допивала вторую чашку.

Кафе мало-помалу заполнялось. За соседним столиком сидели бездельничавшие девицы лет семнадцати и начали чирикать о чем-то малоувлекательном: тряпках, мальчиках, предстоящем концерте Пелетьера, на который они намеревались пойти. Я заскучала и уже готова была подняться с ме-

ста, как в кафе вошел Оливье.

– Привет, – обрадовался он и неразумно быстро направился ко мне. Бакс глухо рыкнул из-под стола. Девчонки притихли, Оливье притормозил и посмотрел на пса с опаской.

– Опять ты со своим чудовищем, – поморщился он.

– Куда мне без него? – усмехнулась я. – Садись осторожнее и ногами под столом не болтай, а то я его еще не кормила.

Оливье уселся, держась напряженно, боясь пошевелиться. Я надела на Бакса намордник, что тот воспринял как личной оскорбление, улегся на пол спиной ко мне и демонстративно вздохнул.

– Я ему не нравлюсь, – в который раз констатировал Оливье.

– А вот Жака он почему-то любит.

– От Жака пахнет корицей и булочками, неудивительно, что его обожают собаки и маленькие дети... Чем займешься сегодня? Может быть, сходим в кино? Оставим пса дома, прогуляемся по набережной...

– Сегодня не могу, – покачала я головой. – Договорилась с Кристофом. Они с Анной ждут меня на обед.

– Ну, конечно, – сморщил нос Оливье. – На этого старого крокодила у тебя всегда есть время.

Он надулся и уткнулся в свой кофе. Я молчала, ожидая, пока ему надоест раздувать щеки.

С Оливье я познакомилась полгода назад, когда от нечего делать стала брать уроки живописи. Переехав в пригород

Парижа, я долго сидела в своем маленьком домике практически безвылазно, делая короткие набеги на местные лавочки, бесконечно озираясь по сторонам. Продавцы меня быстро запомнили, плохо говорившую по-французски, с диким взглядом и сопровождаемую упитанным ротвейлером и даже делали попытки подружиться, хотя вообще-то французы не очень жалуют иностранцев, что бы там ни говорили об их гостеприимстве. Месье Шарль приберегал для меня вырезку, а для Бакса – кости, мадам Лавантюр, улыбалась, подбирая свежие овощи и молоко, а месье Батистен, владелец кондитерской, постоянно подсовывал к покупкам маленькие, напоминающие медали, шоколадки и карамель, и несколько раз томно намекал на свидание.

Жители Леваллуа Перре к иностранцам относились достаточно беспечно. В конце концов его окраины были забиты до отказа лиловыми неграми, далеко не всегда имеющими право жить на территории Франции. Рассуждали местные так: до Парижа – целых три остановки на метро, так что угрозы теракта минимальны, а очаровательная мадемуазель с большим псом, живущая уединенно в небольшом доме, на шахидку не походит. Но, видимо, вопросы безопасности кого-то из бдительных соседей все-таки беспокоили, поскольку однажды, возвращаясь домой вместе с моим новым другом Кристофом, я застала у ворот дома полицейских. Впрочем, ощутить вполне понятный трепет в поджилках я не успела, поскольку увидев Кристофа, ажаны рассыпались в любезно-

стях, взяли под козырек и растворились.

Соседи, без сомнения видели, кто меня сопровождал, сделали соответствующие выводы и теперь на улицах здоровались с преувеличенной вежливостью. Воспользовавшись моментом, я кое-кому рассказала о своем прошлом, и даже не очень-то врала. Потому до сих пор я ловила на себе сочувствующие взгляды, слышала цоканье языком и отдельные фразы о бедной мадемуазель, оставшейся вдовой в таком юном возрасте. Появление в моей жизни Кристофа и его семьи расширили вариации предположений, а я, памятуя, что хорошо продуманное вранье – это уже легенда, не пыталась ничего опровергать. Спустя несколько дней я услышала о себе новую информацию, где мне дали даже какой-то высокий титул.

Вскоре после этого я настолько осмелела, что отправилась брать уроки живописи. Вопреки моему убеждению, что учатся рисовать исключительно молодые люди, я обнаружила на занятиях разношерстную публику. Здесь были даже две старушки лет шестидесяти. Одна писала совершенно дикие натюрморты, вторая упорно рисовала мелкими котами: inferнальных, с вытянутыми жирафьими шеями и хищными улыбками. Кроме них, уроки брала неопрятная женщина, в вымазанной краской одежде, писавшая акварелью потрясающие пейзажи, девушка лет шестнадцати, тихая, забитая, испуганная, как мышь, мужчина с дикой, всколоченной шевелюрой и Оливье.

Будучи иностранкой, я не очень вписывалась в эту группу, да и не старалась, держась особняком. Остальные общались достаточно мило: смеялись, шутили и постоянно болтали, что иногда меня даже раздражало, так как говорили они слишком быстро, чтобы я могла понять. Потому я сосредотачивалась на картинах, не обращая на них никакого внимания.

Оливье подошел ко мне сам, спустя месяц занятий. До того момента я ограничивалась вежливыми кивками и в дискуссии не вступала. А тут он, грызя яблоко, долго стоял за спиной, а потом ткнул пальцем в угол картины.

– Здесь слишком темно, – сказал он. – И вообще твою картину портит обилие мелких деталей. Хотя композиция, надо признать, хороша. Ты училась где-то?

Тогда я впервые обратила на него внимание. Оливье был сокрушительно хорош: высокий, жилистый, темноглазый, с длинными прямыми черными волосами, распущенными по плечам. У него был высокий лоб и тонкие пальцы с ухоженными ногтями, слишком изящными для мужчины.

Я скупно улыбнулась и не ответила. Но Оливье не отходил. – Нет, в самом деле. Я бы впустил сюда немного света и смягчил оттенки, сделав их более холодными. Месье Антуан, вы не находите?..

Я стиснула зубы. Оливье и наш преподаватель Антуан подошли и стали рассматривать мою мазню с величайшим вниманием. Остальные тоже побросали кисти, мелки, уголь и

придвинулись ближе.

– Оливье прав, – кивнул Антуан. – Вот тут и тут, – он ткнул пальцем в холст, – картина перегружена деталями. И с цветом я бы посоветовал поработать. У вас интересные картины, Алиса, но чрезмерно мрачные. Хотя надо отдать должное, вы невероятно терпеливы. Вы так кропотливо выписываете мельчайшие детали... Интересный пейзаж. Этот дом... Вы выдумали его?

Я кивнула, стараясь не вдаваться в подробности, но помрачнела и ушла с занятия раньше, чем обычно, на сразу обратив внимание, что Оливье увязался за мной. Он долго шагал, сопя в затылок, а потом робко взял меня за руку.

– Алиса, ты обиделась?

Я покачала головой.

– Тогда расстроилась? А почему?

Я не ответила, натянуто улыбалась, надеясь, что он отстанет. Но Оливье оказался настойчивым и даже уговорил пойти с ним в кафе. Он захлеб рассказывал о своей жизни, таратора так быстро, что я почти не понимала его, и оттого смеялась, просила повторить. Он повторял и тоже смеялся, непонятно почему.

Оливье был моложе меня на три года. По сравнению с ним я сама себе казалась старой черепахой, просидевшей в болоте триста лет. Его беззаботность помогала справляться с мрачными мыслями, то и дело посещавшими меня по вечерам. Теперь на занятия я ходила с удовольствием, с большим

рвением учила язык и охотно принимала участие во всевозможных развлечениях. И только недописанную картину, на которой было изображено мое похороненное прошлое, я задвинула в угол и никогда уже к ней не возвращалась.

Я согласилась подвезти Оливье до Парижа, хотя, признаться, его нытье раздражало до зуда в ладонях. Сегодняшний день хотелось провести без нервотрепки, тем более, что меня ждали приятные люди, для которых и я, и мой пес всегда были желанными гостями.

Оливье пришлось устроиться на заднем сидении моего старенького «Рено». Бакс взгромоздился на переднее и, как всегда, высунул морду в окно, стоило нам тронуться с места. Ветер раздувал его уши. Пес щурился, получая удовольствие от поездки, и совершенно не обращал внимания на надутого Оливье, тщетно пытающегося завести непринужденный разговор.

– Не понимаю, почему тебя так тянет к этим напыщенным снобам, – сказал Оливье. – Ведешь себя как семидесятилетняя старуха... Поляки все такие?

Я не ответила, раздраженно подумав, что надо высадить его где-нибудь поближе к метро, а дальше пусть добирается до своей студии как знает. И если до сего момента в глубине души шевелились отголоски совести (бедный парень, ради встречи со мной приехал в пригород!), то сейчас меня переполняло желание остаться одной.

Напыщенные снобы – это, конечно, Кристоф и Анна. С Кристофом я познакомилась на собачей выставке в Ле Бурже. На тот момент я уже сама готова была выть в четырех стенах, и когда узнала о выставке, решила поехать. И, хотя я прекрасно знала о родословной Бакса, насчитывающей куда больше знатных родичей, чем у иного аристократа, заявлять его как чистокровного пса по понятным причинам было невозможно. Не то, чтобы я боялась, но собачьи принцы – такая же редкость, как отпрыски людских королевских династий. А у Бакса его родовое имя было настолько вычурным и длинным, что я его в свое время не могла даже запомнить. Потому на выставке я даже не пыталась зарегистрировать пса, учитывая и отсутствие клейма, и подлинного ветеринарного паспорта. Бакс не возражал. Ему, насидевшемуся взаперти, такое обилие псов и людей казалось невероятно интересным. Поначалу он растерялся и нервно трясся, но потом с любопытством оглядывался по сторонам.

Я смотрела на выставленных собак, чувствуя, как с души медленно сползает тоска, давившая каменной жабой. Такого разнообразия пород я не видела еще никогда, хотя регулярно ходила на выставки. Сюда, в парижский пригород, съехались сотни собаководов со всего света. Пару раз я даже слышала речи соотечественников, но не подала виду, на всякий случай отойдя подальше.

Ближе к вечеру, когда я кидала Баксу тарелочку, ко мне подошел почтенный седовласый мужчина в голубеньком

свитерке с синими и белыми ромбиками, джинсах и светло-коричневых мокалинах, которые, на мой неискушенный взгляд стоили не меньше двух сотен евро.

– Это ваша собака, мадемуазель? – вежливо спросил он. Вопрос был довольно глупым, если учесть, что Бакс ловил тарелочку в воздухе и приносил мне, а не кому бы то ни было.

– Да, месье, – вежливо ответила я. – Это моя собака.

– Вы не француженка? У вас восточно-славянский акцент, – сказал мужчина.

– Да, месье, я полячка.

Мужчина как-то странно повел носом и недоверчиво прищурился, словно не поверил моим словам, а потом улыбнулся.

– Отличный пес. Поверьте мне, я говорю как специалист. У него шикарные предки.

– Ну, что вы, – потупилась я. – Я купила его в обычном питомнике за бесценок.

– Вы лукавите, мадемуазель. Мне достаточно кинуть взгляд на пса, чтобы определить чистоту его кровей. Впрочем, я не настаиваю. Вероятно, вы сами не в курсе, каким сокровищем владеете...

Наш разговор прервал фотограф. Он подбежал в тот момент, когда мужчина с нежностью потрепал Бакса по голове, а тот, одуревший от бега и людей, даже не попытался воспротивиться, застыв с тарелкой в зубах. Фотограф прощече-

тал просьбу улыбнуться, сделал несколько снимков. Мужчина вежливо ждал, пока тот, раскланявшись, не сунет мне в руку визитку, а потом иронично посмотрел прямо мне в глаза.

– Вас не удивляет внимание прессы? Особенно учитывая, с кем рядом вы оказались?

– Почему я должна удивляться?

– Ах да, – спохватился тот, – вы же иностранка. Обычно здесь все стремятся поближе сойтись со мной. Разрешите представиться, Кристоф Альбер...

Так я познакомилась с Кристофом, заводчиком чистокровных ротвейлеров. Произнося свое имя, он все-таки выжидающе смотрел на меня, но я не отреагировала, поскольку не имела никакого представления, кто передо мной.

Вообще, имя Кристофа следовало произносить как д'Альбер. Он был потомком одного из самых благородных династий Франции, состоя в родстве даже с незабвенной графиней де Шеврез, воспетой в «Трех мушкетерах». На знатную пра-прабабку я отреагировала спокойно, вежливо сообщив, что знакома с ней лишь по творчеству великого француза.

– Мадемуазель, неужели в Польше читают Дюма? – восхитился Кристоф. – Мне казалось, что современная молодежь предпочитает комиксы и кино.

– Молодежь бывает разной, – уклончиво ответила я.

– Хотите посмотреть моих собак? – предложил он. Делать особо было нечего, и хотя я очень устала, предпочла при-

нять приглашение, оказавшись в резиденции, расположенной недалеко от Парижа.

Фамильное гнездо французских аристократов содержалось в образцовом порядке. Кристоф пояснил, что замок является достопримечательностью, и определенный доход он и его семья получают от туристов, но большую часть капитала он сколотил на средствах массовой информации. Кристофу принадлежали четыре газеты, два телеканала и радиостанция. Кроме прочего, семья д'Альберов владела фабриками, мануфактурами и модными магазинами, за которыми надзирала супруга Кристофа – Анна.

Представляясь Анне, я вовремя вспомнила, что теперь меня зовут Алиса Буковская, я – вдова, и приехала из польского города Лодзь, где прожила всю жизнь. Не знаю, поверили ли мне д'Альберы, но после легкого ужина Анна радушно предложила приезжать еще, и непременно привозить с собой Бакса. Я пообещала, подумав, что больше никогда не увижусь с семейкой аристократов. А спустя пару дней Кристоф заехал за мной, предложив пообедать у них дома.

Визиты учащались, и вскоре я уже не могла помыслить жизни без этой радушной семьи. И только Оливье, знавшему о моих новых друзьях, не нравилось, с кем я провожу свободное время.

Я въезжала на Лионскую улицу, где находилась городская квартира д'Альберов, когда оглушив сиреной, вспыхивая ис-

терическими синими всполохами, мимо меня промчалась карета «скорой помощи». Пропустив ее, я автоматически нажала на газ, ощутив непонятную тревогу.

На перекрестке улицы Пикплюс и бульвара Рейи пришлось остановиться. На дороге рассыпались апельсины, вывалившиеся из ящиков опрокинутого грузовика. Колористическую картинку добавлял старый «Ситроен» со смятым капотом. Водители стояли рядом, ожесточенно махали руками и поливали друг друга залиистой бранью. Вопреки моему убеждению, «скорая» не остановилась и промчалась дальше, давя цитрусовые, лопавшиеся под колесами с неприятным чавкающим звуком. Я сдала назад и сделала небольшой крюк.

У дома д'Альберов собралась небольшая толпа, рассыпавшаяся у ступеней неправильным полукругом. Среди зевак отчетливо выделялась парочка мужчин, хищно вперивших взгляд на входную дверь. На груди у них болтались фотокамеры. Выйдя из «Рено», я увидела водителя «скорой», с апатичным спокойствием курившего рядом с машиной.

Я не двинулась с места, только вынула телефон, но позвонить Кристофу не успела. Двери раскрылись, и оттуда два дюжих медбрата вынесли носилки. Следом, с совершенно потеряннным видом, вышел Кристоф в плаще, застегнутом сикось-накось. Репортеры бросились вперед, ослепляя его вспышками камер. Кристоф не пытался отвернуться, не сводя с носилок взгляд. Вытянув шею, я разглядела лежащую

на них Анну.

Репортеры совали под нос Кристофу диктофоны, и что-то торопливо спрашивали, но тот раздраженно отмахивался от них. Его потерянный взгляд случайно упал на меня. Лицо Кристофа прояснилось. Бросив медикам короткую фразу, он, расталкивая толпу, направился ко мне. Репортеры бежали за ним, как шавки, путаясь под ногами.

– Что случилось? – быстро спросила я, не тратя время на приветствия.

– Анне внезапно стало плохо, – растерянно ответил Кристоф и потер лоб бесконечно усталым движением. – Что-то с сердцем...

Его лицо было серым от напряжения, под глазами набухли мешки. Я пожалела Кристофа – настолько у него был жалкий вид, и тут же разозлилась на репортеров, щелкавших затворами камер без остановок и все совавших в лицо диктофоны, задавая дурацкие вопросы.

«Что с вашей женой, месье д'Альбер? Посмотрите сюда, месье д'Альбер! Кем вам приходится эта мадемуазель? Правда, что у мадам д'Альбер случился сердечный приступ, когда она застала вас с любовницей? Мадемуазель, вы – любовница месье д'Альбера?...»

Услышав последнее, Кристоф побагровел, потом посинел. На шее вздулись жилы. Но прежде чем он открыл рот и начал орать, я поспешила вмешаться.

– Я – знакомая мадам д'Альбер. Сегодня мы договорились

пообедать с ней и ее супругом, обсудить вязку наших собак. У меня есть кобель с отличной родословной.

Я махнула рукой в сторону машины. Репортеры увидели Бакса, высунувшего голову в окно и слегка приуныли. Воспользовавшись моментом, Кристоф развернулся и почти бегом промчался в сторону кареты «скорой помощи». Я отошла к машине, и в этот момент у меня зазвонил мобильный.

– Алиса, ты не могла бы поехать со мной? – спросил Кристоф.

– Хорошо, – согласилась я и торопливо уселась за руль. Бакс рыкнул на сунувшегося к машине фотографа, поубавив у того прыти. – Куда ее повезут?

– В кардиологический центр Амбруаз Парэ. Знаешь где это?

– Нет.

– Ничего, просто следуй за машиной. Если что – звони.

Угнаться за «скорой» я не смогла. Она неслась по Парижу, завывая сиреной и скоро скрылась где-то за поворотом. Заблудившись в переплетении улиц я пересекла Сену не по тому мосту, попала в пробку, завязнув в ней так основательно, что грешным делом решила – там и скончаюсь. Бакс нетерпеливо ерзал и поскуливал, да я и сама чувствовала настоящее желание найти дамскую комнату. Беспокойство за Анну отступило на задний план, подавляемое совершенно другими желаниями.

В центр Амбруаз Парэ я приехала уже ближе к вечеру, из-

рядно покружив по Булонскому лесу. Приткнув машину на стоянку, я отправилась на поиски Кристофа. Бакс, устав от длительного заключения, взвыл, но я оставила его недовольство без внимания. В конце концов, я позволила побегать ему по лесу, что еще надо?

Кристоф обнаружился в кафетерии, с чашкой зеленого чая, из которой вряд ли сделал хотя бы глоток. Я обняла его, похлопав по спине.

– Как она?

– Операция еще не закончилась, – глухо ответил он. – Она идет уже четыре часа. Не представляю, что можно делать четыре часа...

– Это ведь сердце, Кристоф, – мягко возразила я. – А не гнойный нарыв. Его нельзя вычистить за минуту. Если операция длится так долго, значит случилось что-то серьезное.

Кристоф посмотрел на меня, и я внезапно подумала, что у него совершенно собачьи глаза, грустные, преданные, добрые и несчастные. Так смотрят псы, верно ожидающие хозяйина, который, может быть, уже никогда не вернется домой. Я неловко погладила его по руке, не зная, что еще сказать. Сейчас, когда мы сидели с ним в кафетерии больницы, мое прошлое вдруг вновь ворвалось в сознание. Вспомнив о четверых самых близких людях, я едва не разрыдалась.

– Она ведь никогда не болела, – тихо сказал Кристоф. – Вообще никогда...

Он задохнулся, закашлялся и отвернулся в сторону. Я си-

дела истуканом, не зная, как реагировать. Сейчас, когда пожилая француженка боролась за жизнь в реанимации, я думала о другой старой женщине, не побоявшейся выйти к убийце с кочергой в руке, погибшей, защищая меня. И от сознания этого стало еще гаже.

Находиться до бесконечности в кафетерии было невозможно. Мы переместились в холл, устроившись на кожаных диванчиках, где сидели такие же люди, как мы, встревоженные и тихие, что придавало помещению до странности напряженную атмосферу. Я сидела, как на иголках, вздрагивала и порывалась вскочить, когда видела приближавшуюся к нам фигуру в светло-голубом халате. Но врачи игнорировали нас, проносясь мимо с ледяными выражениями лиц. Измучившийся Кристоф задремал, положив голову мне на плечо. А я сидела, боясь пошевелиться, гоняя в голове мрачные мысли.

Мужчина в медицинском халате что-то спрашивал, и видимо, не в первый раз, но я почему-то не соотносила его появление с собой или Кристофом. И лишь когда до утомленного мозга дошла фамилия д'Альбер.

– Что? – переспросила я.

– Вы мадемуазель д'Альбер?

– Нет, – ответила я и дернула плечом. Кристоф проснулся, подскочил на месте и уставился на врача. – Вот месье д'Альбер.

– Мадам д'Альбер прооперирована, – сообщил врач. – Те-

перь ее жизнь вне опасности.

– О, господи, – прошептал Кристоф, – какое счастье! Я могу к ней пройти?

– Пока нет. Мадам сейчас спит...

От растерянного и убитого Кристофа ничего не осталось. Он рывком подскочил с места и, схватив доктора за локоть, потащил куда-то по коридору, энергично втолковывая ему что-то непонятное. Впрочем, я и не пыталась разобраться в чужом языке и блаженно откинулась на спинку дивана, с удовлетворением думая, что жизни Анны ничего не угрожает. Однако в голове злобной крысой царапалось непрошенное предчувствие, что болезнь Анны – это только первое звено в цепочке моих неприятностей, и дальше будет только хуже.

Анна туго шла на поправку и врачи решили оставить ее в Амбруаз Парэ еще на несколько дней. Кристоф разрывался между работой и больницей, поскольку теперь ему пришлось взять на себя еще и обязанности жены. За несколько дней он заметно похудел, без конца зевал, с трудом сдерживаясь, чтобы не заснуть где попало: у кровати Анны, на скамейке или деловых совещаниях, в кафе за завтраком. Я навещала Анну в больнице, приезжала в усадьбу, выгуливала собак. Словом, помогала, чем могла. Занимаясь делом, я старалась отодвинуть на задний план тяжелое предчувствие неминуемой беды, успокаивая себя, что это только нервы. Но как бы ни старалась, засыпая, чувствовала неясную тревогу.

– Почему у вас нет детей? – спросила я Кристофа, когда он приехал в больницу сменить меня. Анна спала. Незадолго до этого я попыталась почитать ей газеты, но с моим ужасным акцентом это превратилось в водевиль. Анна слабо улыбалась, а потом задремала, положив сухую ручку на грудь.

– У нас была дочь, – просто ответил Кристоф. – Она умерла много лет назад.

– Ох, простите...

– Ничего. Она была совсем маленькой, когда это случилось. Врожденный порок сердца. Сейчас я почему-то думаю, что это она мстит Анне за то, что не смогла выжить.

– Не говорите так, – мягко сказала я и пожала его руку. Ладонь Кристофа была холодна, как лед.

– Мы смирились, Алиса, – ответил он, и в его голосе скользила обреченность, стылая, с морозными иглами. – Нам хотелось иметь детей, но мы не могли рисковать больше. Боялись, что это повторится. Так и живем, друг для друга, скрипим потихоньку, как старая телега.

Когда я уходила, Кристоф сидел у постели Анны и читал ей ту самую газету, которую я оставила у тумбочки. Она слушала мужа с умиротворением во взоре, а я вдруг подумала, что это и есть настоящая любовь, пронесенная через годы. И оттого самой стало тошно и грустно, потому что я-то осталась совсем одна.

На следующее утро, когда я встретила в кафе с Оливье, я вдруг почему-то описала ему эту трогательную сцену. Он

не был впечатлен.

– Ты столько времени с ними проводишь, – недовольно пробурчал он. – А они тебе никто. Но почему-то этот старый пень тебе дороже меня. Скажи, чем он лучше?

– Ну, он не называет тебя «этот сопливый молокосос», – парировала я, разломив круассан и сунула его под стол Баксу. Оливье скривился.

– Можно подумать, Кристоф вообще знает о моем существовании. Удивительно, что он вообще снизошел до тебя. Может быть, ты напоминаешь ему дочь?

– Ерунда. Ей было пять лет, когда она умерла.

– Тем более странно, чего он так к тебе прикипел. Впрочем, это не важно.

В его голосе звучала злость, и это показалось странным. Оливье с наигранным интересом повернулся в сторону бульвара и начал разглядывать прохожих.

– Ты что, ревнуешь? – удивилась я. Он повернулся и нехотя кивнул.

– Да. Я ревную. С тех пор как заболела Анна, я тебя совсем не вижу. Ты даже на занятия перестала приходить. Ко мне не заезжаешь, к себе не приглашаешь. У тебя ни на что не осталось времени.

Он вытащил пачку сигарет, открыл ее, а потом раздраженно смял, бросив в пепельницу.

– Ты не одолжишь мне пару сотен? – заискивающе спросил он. – Совсем без денег. Даже на сигареты не осталось.

Я пошарила в кармане и с сожалением протянула ему пару купюр.

– У меня только двадцать евро. Но дома есть еще. Могу одолжить.

– Хорошо бы, – вздохнул он. – Вчера провел на Монмартре весь день, надеялся что-нибудь продать, но увы...

Я сочувственно покивала. Оливье постоянно таскал на Монмартр свои полотна, тусовался с окрестной богемой, более или менее удачливой, стоял на улицах, надеясь хоть что-то продать. Однажды он потащил меня с собой, велел прихватить пару работ. К своему удивлению, я увидела почти всю нашу группу, включая руководителя – Антуана Сармана. Все толклись на небольшом пяточке у лавки зеленщика, выставив на обозрение прохожих картины. Я вынула из багажника два намалеванных шедеврика и, приткнув их куда-то в уголок, отправилась смотреть вниз с холма, на расстилавшийся Париж. С высоты птичьего полета город казался разноцветными кубиками конструктора, плотно набитыми в коробку. И только одинокая Эйфелева башня выделялась из общего ансамбля, застряв шпилем в облаках. Я прогулялась по узким улочкам, нисколько не заботясь о своих картинах. Купят их или нет – без разницы.

Через час это развлечение надоело, и я уехала. На следующий день девушки рассказали, что никто из нашей группы ничего не продал, в том числе и Оливье, и кажется, его это очень огорчило. Тогда я обратила внимание, что Оливье пе-

рестал заказывать в бистро бутерброды, ограничиваясь кофе. Видимо, с деньгами у него было совсем туго.

– Ты потом отвезешь меня в Париж? – спросил Оливье, вырвав меня из воспоминаний. – Или ты никуда не собираешься?

– Почему же? Я хотела навестить Анну, тем более, что Кристоф меня просил об этом. Он сегодня будет занят допоздна. Если хочешь, поехали со мной, – предложила я.

– Не уверен, что Анна будет рада меня видеть, но в моем положении экономят даже на метро, – вздохнул он.

Оливье вышел из машины, разглядывая дом.

– Вот, значит, где ты живешь, – протянул он. Я остановилась у ворот и внимательно посмотрела на него.

– Что-нибудь не так? – ласково спросила я, не слишком тщательно маскируя металл в голосе. Оливье смутился и неопределенно пожал плечами.

– Ну... Я ожидал увидеть что-то более... внушительное. А тут... Всего один этаж, и дом такой... несерьезный.

В отместку я хмыкнула и решительно шагнула внутрь. Оливье попытался следовать за мной, но оскаливший клыки Бакс помешал ему это сделать.

– Твоя псина просто ужасна, – оскорбился Оливье. – Чего он на меня рычит все время? Убери его.

– Подожди меня тут, – сказала я. Оливье удивленно дернул бровями.

– Ты не пригласишь меня внутрь?

– У меня не убрано. И потом, я только возьму сумку.

Оливье ничего не сказал, но явно обиделся. Когда я вернулась к машине, он не проронил ни слова и молчал почти всю дорогу до больницы. Чувствуя себя неловко, я попробовала его разговорить, рассказав пару историй о Кристофе, о его замке и репортерах, окруживших нас на выставке собак и у дома, когда увозили Анну, но эти темы его не заинтересовали. К Амбруаз Парэ мы ехали в гробовом молчании.

Подъезжая к больнице, я вспомнила, что не прихватила с собой никаких подарков и притормозила у небольшого магазинчика, где кроме всяких мелочей торговали еще и цветами. Выбрав симпатичный букетик из чайных роз, я протянула продавщице десять евро.

Девушка, принявшая у меня деньги, почему-то показалась мне знакомой, но я лишь мазнула по ее лицу взглядом, отметив нездоровую одутловатость, плохую кожу и неровно покрашенные в морковный цвет волосы, наполовину скрываемые вязаной шапочкой. Из магазина вышла полная женщина, волочившая ящик с фруктами. Я бросила на нее беглый взгляд и направилась к машине, где сидел надувшийся Оливье и курил в окно.

– Алиса? – ахнула торговка. Я застыла на месте и неловко повернулась к ней. Женщина бросила ящик на землю и прищурилась. Торговавшая цветами девушка уставилась на меня. Я мимоходом подумала, что эти два лица невероятно

похожи, и спустя мгновение почувствовала, как перехватило дыхание.

Я узнала обеих, хотя видела их всего два раза в жизни. Впервые, когда мне было лет шестнадцать, и я пришла просить помощи у своего отца. Второй раз лет восемь или девять спустя, на премьере спектакля «Мастер и Маргарита», где я играла главную роль. Два лица – молодой девушки и женщины средних лет, с одинаково сощуренными глазами цвета свинца, выпяченными нижними губами, недаром показались мне схожими. Прячась во Франции, я ожидала встретить кого угодно, но только не их.

– Вот уж не ожидала тебя тут увидеть, – сказала Лариса, и обшарила меня острым как скальпель взглядом. Я холодно улыбнулась.

Мачеха выглядела не слишком хорошо. Трудно ждать изящества от бабы, таскающей ящики с фруктами, но во всем ее облике скользила неустроенность. Ее дочь выглядела немногим лучше. Я вспомнила об отце и сжала кулаки.

– Что ты тут делаешь? – спросила Лариса.

– Приехала навестить знакомую, – сказала я, махнув рукой в сторону больницы. – Она тут лечится. А вы?

– А мы тут живем. Работаем вот помаленьку... Ты узнала Людочку?

– Здравствуйте, – процедила Людочка. Я скупно кивнула.

– Геночка-то умер, – плаксиво протянула Лариса, и даже сделала попытку утереть рукой совершенно сухие глаза. – Ты

в курсе?

– В курсе, – сухо ответила я. – Мы с мужем устроили его в больницу, после того как вы бросили его на произвол судьбы.

В глазах Ларисы вспыхнула ненависть. Людочка уставилась на что-то за моей спиной. Обернувшись, я увидела Оливье, вышедшего из машины и жадно прислушивавшегося к разговору.

– А ты времени не теряешь, – ядовито произнесла Лариса, но я не стала ее слушать и отступила к машине. Оливье уселся рядом, и я рванула с места так, что осенние листья, устилавшие дорогу, взметнулись вверх в причудливом вихре.

Анна очень обрадовалась букету. Сидя в кресле на веранде, она близоруко шурилась, разглядывая топтавшегося на месте Оливье, и даже заговорщически подмигнула, но у меня не было настроения поддерживать беседу. Визит к ней я сократила до минимума, сославшись на занятость. Анна не возражала. После процедур она выглядела очень утомленной. Пообещав приехать к ней завтра, я торопливо простилась.

Всю обратную дорогу до Парижа Оливье был невероятно тих и задумчив, искоса глядел на меня, не решаясь заговорить. И только когда я остановилась перед его домом, он повернулся ко мне. Я молчала, понимая, что разговора не избежать, сжавшись внутри в нервный комок.

– Ты странная девушка, Алиса, – негромко сказал он. Я промолчала. Оливье долго ждал ответа, потом вытащил си-

гареты и закурил.

– Знаешь, на тебя ведь давно обращают внимание, и не только потому что ты – иностранка и очень красивая девушка. Ты правда красива. Думаю, ты могла быть актрисой.

Я усмехнулась. Вот так неожиданно Оливье попал в десятку. Кто бы мог подумать?

– Но ты все равно странная, даже для актрисы, – гнул он свою линию. – Я же знаю много актрис, начинающих и даже уже известных. Они все немного сумасшедшие. Ты – не такая, и твоя игра куда сложнее. Она загнана внутрь.

Я молчала, надеясь, что он уйдет прежде, чем мне придется попросить его это сделать. Но он сидел, как приклеенный, пускал дым в окно и говорил, говорил, интуитивно находя бреши в моей броне, казавшейся такой надежной.

– Ты живешь в маленьком доме одна. Завела собаку – не пушистого йоркширского терьера, не болонку, а настоящего убийцу. Ездишь на старой развалюхе, одеваешься скромно, а в ушах – бриллианты, да и кольцо стоит немало. Не работаешь, но деньги всегда есть. И выдаешь себя за полячку.

– Почему же выдаю? – спросила я.

– Ай, брось! Сегодня нам встретились эти бабы, и они явно были тебе неприятны. Настолько неприятны, что из больницы ты поехала кружным путем, чтобы не наткнуться на них еще раз. Обе тебе знакомы очень хорошо, потому что одна назвала тебя Алисой. И говорила ты с ними не по-польски.

– Ты что, знаешь польский? – ядовито поинтересовалась я.

– Нет. Но совсем необязательно знать язык, чтобы понять, какой он. Ты говорила с ними по-русски.

– Польский и русский принадлежат к одной группе, – пожала я плечами. – Ты просто перепутал.

– Ну, конечно, – весело фыркнул Оливье, а потом, повернувшись ко мне, спросил со всей серьезностью, на какую был в тот момент способен. – Кто ты такая, Алиса?

– Если я скажу, мне придется тебя убить, – улыбнулась я. Оливье застыл с оторопелым видом, а потом захохотал.

Несколько дней я жила в состоянии постоянного трепыхания. По ночам слушала шум дождя, вздрагивала от случайных шорохов, поминутно подходила к окну, выглядывала из-за штор на темную улицу. Не знаю, чего я ждала, но подсознание услужливо шептало на ухо, что моя спокойная жизнь кончилась.

Оливье не дождался от меня откровений. После той памятной поездки он больше не приезжал в Леваллуа Перре. Может быть, у него не было денег, ведь одолженных мною двух сотен евро надолго не хватит, может быть, он просто обиделся на меня. Сама я встреч с Оливье не искала, занятий по живописи не посещала и даже к Анне не ездила несколько дней, сославшись на неотложные дела. Утренние прогулки с собакой не приносили прежней радости. Я игнорирова-

ла кафе Жака, боязливо пробегала мимо гостиниц, где могли отдыхать соотечественники, а ночами думала о переезде. Прошлое скалилось из-за угла ярмарочным уродцем.

Я не боялась мачехи. Лариса была мне не страшна сама по себе, слишком уж ничтожной она казалась. К мачехе я не испытывала добрых чувств. Много лет назад именно она запрещала отцу видеться со мной и помогать материально, а потом, когда вся их семья переехала за границу, Лариса бросила отца умирать от рака.

Да, Лариса, с ее убогими мозгами, не умеющими просчитывать на пару ходов вперед, была не страшна. Но она могла навести на след тех, кто два года назад лишился денег и жаждал вернуть их обратно. Один звонок – и мне снова придется пуститься в бег. А я уже так устала бегать и прятаться...

Мой муж, Владимир Мержинский, занимался не самыми честными делами. Прикрываясь маской уважаемого бизнесмена, вместе с заместителем мэра города Гловой, а также настоящим хозяином региона, Тимофеем Захаровым, Володя отмывал деньги по простейшей схеме. Создавались предприятия-однодневки, отцы города перегоняли на счета посредников немалые суммы из городской казны, оставляя себе изрядную долю. До определенного момента все шло хорошо, но потом Володя стал мешать Глове, и тот решил вычеркнуть его из схемы самым радикальным образом.

Муж узнал об этом достаточно быстро. Понимая, что не сможет потягаться с Гловой, Володя решил не делиться при-

былью с последней сделки, а сбежать вместе со мной за границу. Схема была идеальной. Разыскав моего отца, муж поместил его в хорошую клинику и перевел деньги на его счет. Жить отцу оставалось недолго, оба это знали. После его смерти я унаследовала бы все, ведь на тот момент отец был в разводе с Ларисой, а ее дочь Люда вообще не учитывалась – у нее был другой отец. От меня предстоящую схему держали в секрете, и все было бы хорошо, если бы не болезнь Володи. Он скончался внезапно, от сердечного приступа, не успев рассказать о том, что задумал.

После смерти мужа я попала в тиски, только взять с меня Глове и Захарову было нечего. По завещанию мужа все его имущество, включая недвижимость и бизнес, отходило его сестрам и племянникам. Я осталась ни с чем, не подозревая о банковском счете на внушительную сумму.

В мою неосведомленность не верили ни Володины бывшие партнеры по бизнесу, ни его семья. Племянник Володи – Михаил – даже нанял бывшего уголовника, чтобы выведать мои секреты. Вот только ничего у уголовника не вышло. Я часто вижу во сне, как вновь и вновь везу завернутое в полиэтилен тело, чтобы бросить его с моста...

Оставшись в одиночестве, Михаил сам отправился на поиски денег, убив мою подругу Женю и Агату – мать первой жены Володи, и если бы не случай, убил бы и меня.

Я смогла скрыться, только благодаря Сергею – помощнику Захарова. В тот злополучный вечер он, держа на мушке За-

харова и его личного телохранителя Змея, попросил ждать его в Риме.

Я не знаю, что случилось с Сергеем. Улетев в Прагу, я наведальась к нотариусу и получила наследство – четыре с половиной миллиона долларов. С такими деньгами бегать можно было бесконечно. Меня наверняка искали, но они искали Алису Мержинскую, бывшую актрису театра драмы, зеленоглазую блондинку, утонченную и перепуганную. А Алиса Мержинская растворилась на просторах родины, как только покинула город, превратившись в польскую гражданку Алису Буковскую, решившую поселиться в пригороде Парижа.

Я приезжала в Рим целый год, сидела в условленном месте и ждала Сергея, но он не приехал. Терзаясь воспоминаниями, я все говорила себе: тебе показалось, ты не слышала... Но память, злая и безжалостная, все время подсовывала яркие, как в стереофильмах, картинки: я бегу прочь от дома Агаты, зажав в руке пакет с деньгами и паспортами, а позади, за прикрытой дверью начинается пальба. Каждый раз, вспоминая это, я начинаю плакать.

Лариса пробудила ростки страха в моем истерзанном сердце. Сейчас она знала, что я в Париже. Если она начнет копаться в прошлом, то без особого труда получит нужную справку об исчезнувшей актрисе Мержинской, в доме которой обнаружили труп молодого мужчины. А мне бы этого не хотелось. Взвесив перспективы, я решила не дожидаться развития событий.

Возможно, на следующий день, когда я, измученная бессонницей, решила навестить Анну, я бы и передумала. С момента встречи прошла почти неделя, а Лариса не давала о себе знать. День был чудесный. Острая осенняя прохлада придавала бодрости. С небес сияло солнце, а в моем саду цвели поздние астры. Я выгуляла Бакса и, велев ему сторожить дом, уехала.

Анна выглядела скверно. Помимо сердца, ее мучил артрит. Тонкие пальцы Анны остро реагировали на холодное утро. Сегодня она с большим трудом держала чашку с чаем, однако голос был бодрым, преувеличенно бодрым.

– Ты что-то осунулась, – сказала Анна, внимательно посмотрев на меня из-под очков. – Круги под глазами. Плохо себя чувствуешь?

– Почти не сплю, – пожаловалась я. – Потом весь день хожу, как вареная. Извините, что не приезжала.

– Ничего, – улыбнулась Анна тонкими бескровными губами. – Чего тебе делать со старухой? Ты молода, развлекайся, пока можешь.

Я вяло запротестовала, убеждая Анну, что мне очень комфортно в ее обществе. Она кивала, но, похоже, я ее не убедила.

– Знаешь, я ведь тебе немного завидую, – сказала она. – Так иногда неприятно смотреть на свое лицо и думать – все прошло. А когда? Не успеешь оглянуться, как ты уже стару-

ха, и те дни, когда могла танцевать ночи напролет, пролетели в один миг.

Анна перевела взгляд на клумбу с увядающими, слегка подмерзшими цветами.

– Вот так и я, как эти цветы. Отцвела, высохла. Ах, Алиса, когда думаешь, как мало тебе осталось, поневоле вспоминаешь все, что было: хорошее, плохое, смотришь на молодежь и умиляешься, какие вы наивные и беспечные. А потом понимаешь – твой век на исходе.

– Ну, моя жизнь не настолько хороша, чтобы ей можно было позавидовать, – угрюмо сказала я, а потом добавила – Я, собственно хотела сказать, что возможно придется уехать в ближайшее время, и я не смогу вас навещать.

– Надолго?

Я пожала плечами.

– Может быть, навсегда.

Анна внимательно посмотрела на меня, отставила чашку и положила свою руку на мою.

– Что у тебя случилось, девочка? От кого ты бежишь?

Я не ответила. Вывалить на эту хрупкую старушку мрачную историю, в которой фигурировало как минимум пять покойников, я не могла, да и не хотела. Ни к чему ей такие волнения. Не дождавшись ответа, Анна взяла чашку и допила чай в молчании.

– А он? – вдруг спросила она.

– Кто?

– Тот молодой человек, с которым ты приезжала в прошлый раз. Он знает, что ты уезжаешь?

– Оливье? Нет, не знает.

– Почему ты не скажешь ему?

Я вновь не ответила, и тогда Анна, пытливо уставившись на меня, спросила:

– Ты уезжаешь из-за него? Напрасно. Он совершенно тебе не подходит, и уж точно не заслуживает душевных терзаний.

– Почему? – удивилась я, решив не разочаровывать Анну. Пусть лучше думает, что я страдаю от любви.

– У него вид прохиндея, – поджав губы, сказала она. – Боряка, с глазами жулика. Не уверена, что в кармане он насчитает хотя бы пару сотен... Чего ты улыбаешься? Я угадала?

– В точку, – кивнула я. – Он действительно на мели. Как и большинство художников.

– Богема, – презрительно фыркнула Анна. – Непризнанные гении, размышляющие о высоком искусстве, презирающие работяг. Он ведь наверняка не работает? Вот видишь! Мог бы пойти в ночные официанты, а днем малевать свои шедеврики... Или он талантлив?

Я пожала плечами.

– По сравнению с кем?

– Ясно, – протянула Анна. – Жулик, проматывающий чужие деньги. Недаром он к тебе присосался. Почуял, что у тебя водятся денежки.

– Да откуда у меня деньги? – вяло возразила я, а потом

вспомнила о кольце и серьгах и, стыдливо покраснев, бросила беглый взгляд на руку. Анна весело фыркнула.

– Вот именно, – сказала она. – Я этот камушек еще в первую нашу встречу заметила. А ты носишь его, не снимая, словно не отдавая отчет в ценности. Привыкла, значит. В дорогом вине знаешь толк, стало быть, пробовала. Мы с Кристофом долго гадали, кто ты такая, даже предполагали, что из какой-то аристократической династии.

– Чего это вдруг?

– Ну, милая моя, породу не скроешь. Я собак уже тридцать лет развожу, и чистокровку от дворняги отличу, уж поверь мне на слово. А ты себя ведешь как девушка из богатой семьи, но для современных нуворишей чересчур хорошо воспитана.

Жаль вас разочаровывать, – улыбнулась я, – но мой отец долго работал на заводе простым слесарем, а мама была актрисой провинциального театра, надо сказать, довольно посредственной. Так что никакой голубой крови во мне нет.

– Ну да, – хихикнула Анна, которую явно забавлял разговор. – Дочки слесарей и провинциальных актрис сплошь и рядом носят украшения от Тиффани.

На веранде показалась медицинская сестра и вежливо напомнила Анне о том, что ей пора на процедуры. Прощаясь, Анна поцеловала меня в щеку.

– Ты заедешь ко мне перед отъездом?

– Я постараюсь, – пообещала я. В тот момент я действи-

тельно думала, что если соберусь уезжать, то непременно попрощаюсь с гостеприимными французами. Однако из моих планов ничего не вышло. Вероятно, если бы я выспалась ночью, события развернулись иным образом.

До нужного человека в Париже я добралась ближе к вечеру, усталая, злая и нервная. По дороге вновь свернула не на тот мост, вклинилась не в ту полосу движения и в результате оказалась у Триумфальной арки, куда совершенно не планировала ехать. Покрутившись на узких улочках, я оказалась неподалеку от знаменитого Нотр Дама и, зябко ежась, огляделась по сторонам.

Воспетый Гюго и современными композиторами, трогательно расписавшими жизнь несчастного горбуна-звонаря, собор нависал над улицей мрачной тенью. С его стен вниз глазели оскалившиеся горгульи. В другое время я с удовольствием погуляла бы под готическими сводами, послушала орган, забралась на башню, как любопытная туристка, но сегодня мне было не до экскурсий. Нажав на газ, я объехала собор и со второй попытки оказалась на мосту О'Дубль.

Дорогу до нужного дома я помнила плохо. Прежде была здесь лишь дважды, озираясь и пугаясь собственной тени. Прав был Гюго, описывая это место в своем романе. Окрестности собора до сих пор пользовались дурной славой и по ночам были небезопасны. Я побоялась ехать сюда вечером, да и времени не было. Въехав на Рю Арколь я, притормози-

ла, опасаясь пропустить нужный поворот. Остановившись на перекрестке, я так долго читала названия улиц на табличках, что водители позади начали нервно гудеть, а один, самый ретивый, обогнал меня на своем рыжем «Пежо» и, покрутив пальцем у виска, сказал нечто обидное. Я ответила по-русски, отправив его по известному адресу, и свернула на Рю Шануанс, где в высотном здании жил человек, который был мне так необходим.

Збышек открыл мне дверь не сразу, долго разглядывая в глазок. Я нервно улыбнулась и развела руками. Приоткрыв дверь на длину цепочки, он высунул в щель длинный, как у афганской борзой, нос.

– Это ты? – недовольно спросил он.

– Я.

– Ладно. Заходи, – проворчал он, и открыл дверь. Я вошла в прихожую, дожидаясь пока он запрется на все засовы.

Студия Збышека Пештика, сбежавшего во Францию поляка, располагалась на последнем этаже и выглядела не лучшим образом. Помнится, беседы ради я спросила, что он будет делать, если полиция нагрянет с обыском, ведь сбежать с такой верхотуры невозможно. На это Збышек ответил мне с самой серьезной миной на тощей физиономии:

– Я прыгну вниз.

Збышека я знала с момента приезда в Париж. Именно к нему муж советовал обратиться, если придет нужда, поскольку Пештик был специалистом самого высокого класса.

В его студии Володя заказал фальшивые паспорта, настолько хорошие, что я с легкостью пересекала французскую, русскую и итальянские границы. У меня в наличии было два паспорта, но теперь мне нужны были иные документы. Личина Алисы Буковской исчерпала себя. Я боялась засветиться.

– Зачем пожаловала? – недовольно спросил Збышек. В этот день он вообще был нервным и легковозбудимым. Я подозревала, что в свободное от работы время он балуется чем-то посерьезнее травки, но вслух своих подозрений не озвучивала.

– Мне нужен паспорт, Збышек. А еще лучше – два.

– Понятно, – вздохнул он. – Как срочно?

– Немедленно.

Збышек вздохнул и направился к антикварному буфету с обшарпанными, перекосившимися дверями, загромождавшему маленькую кухню. Вытащив ящик, он сунул руку в образовавшееся углубление и достал плотный пакет, перевязанный веселенькой розовой ленточкой. Развязав ее, Збышек вывалил на стол кучу разноцветных паспортов. Перелистав их страницы, Збышек отложил часть в сторону, остальные побросал обратно.

– Есть три, – сказал он. – Приблизительно подходят по возрасту. Американский, французский, два русских. Французский и русский свеженькие, американский старый, с просроченной визой. Какой возьмешь?

– Беру все, – решительно сказала я.

– Десять тысяч за каждый.

– В прошлый раз ты брал шесть.

– Инфляция, – пожал плечами Збышек. – Кризис и все такое. Берешь?

Я кивнула и вынула из сумочки деньги.

– Сколько тут? – полюбопытствовал Збышек.

– Пять тысяч. Когда будут готовы паспорта?

– Ну... завтра утром заберешь. Часов в двенадцать, раньше я не встану. И без того провожусь с ними до ночи. Иди, встань к стеночке.

Я послушно встала к стене, на которой висела несвежая белая простыня. Збышек вынул фотоаппарат и сделал несколько снимков. Подключив фотоаппарат к компьютеру он выбрал лучший снимок и отправил его на печать. Приятно зажужжав, принтер выплюнул теплый лист, на котором красовалось шесть моих фотографий.

– Завтра привезешь двадцать пять тысяч, – сказал Збышек.

– Сюда?

– Ну, а куда еще? Я предпочитаю вести дела на своей территории. Оно как-то побезопаснее будет. Пива хочешь?

Я отрицательно покачала головой.

– Ну, как знаешь. Тогда завтра, часам к двенадцати. Все, топай, мне некогда.

Когда я уже стояла в дверях, Збышек хихикнул.

– Крепко видать тебя припекло, раз ты хапаешь сразу три паспорта.

Я не ответила и вышла. Спускаясь по ступенькам, подумала, что Анна права, и распознать жулика по глазам проще пареной репы. Вот у Збышека глаза жулика, бегающие и острые, как алмазная крошка. Ничем не лучше, чем взгляд Оливье...

Анна оказалась на редкость проницательной. Несмотря на острое чувство опасности, я не предприняла никаких мер предосторожности. Не проворочайся я почти до утра, не стала бы заезжать в небольшое кафе, чтобы выпить крепкого кофе. Войдя в зал, я сразу увидела Оливье и Людочку, забившихся в угол. Оливье жевал бутерброд, кивая головой, а Людочка, ожесточенно жестикулируя, что-то рассказывала, и я догадывалась – что.

Ни Людочка, ни Оливье не заметили меня. Я сделала шаг назад, скрывшись за дверью, и решительно направилась к машине, думая, что все мужчины – подлецы и жулики. Сев за руль, я уехала домой и там, забившись в спасительный полумрак, упала в постель. Разглядывая потолок, я мрачно гадала, чего ждать от жизни теперь.

Утром я поднялась с тяжелым сердцем. Сознание того, что со дня на день придется покинуть уютный дом, к которому я прикипела всей душой, придавливало к земле. К тому же, хотя я и старалась не покупать много вещей, по дав-

ней скопидомской привычке обросла кучей барахла, нужного и не очень, расставаться с которым было жалко. Мучила и некая неопределенность. С одной стороны, мир большой, дороги открыты, езжай, куда хочешь. С другой, тяжкие думы, что снова придется искать новый дом, город и, возможно, даже страну отбивали всяческую охоту заниматься этим. Я кляла недобрыми словами Анну, умудрившуюся так не вовремя заболеть, и проклинала Ларису, вставшую на пути. Как же все было не ко времени...

Лариса могла позвонить на родину. Больше всего я боялась именно этого. В Интернете про исчезновение актрисы Мержинской было сказано двумя скупыми строчками. Но это не означало, что обо мне забыли. Скорее, наоборот. Пять миллионов долларов не дороге валяются. Узнай Захаров и Глова где я, вытрясти из меня деньги не составит особого труда, учитывая даже, что полмиллиона я растратила на уплату налогов, переезды и запутывание следов. Вот он, недостаток перестройки. Открыли границы, и народ спокойно порхает туда-сюда.

Глова или Захаров, или любой из их шаек, спокойно приедут в Париж по туристической визе, найдут меня, выдоят до последней капли, а потом задушат подушкой. Кто будет искать убийцу в толпе туристов? Полиция, конечно, заинтересуется моей личностью и получит немало сюрпризов, установив, что Алисы Буковской никогда не существовало.

И что мне теперь делать?

Я отправилась на прогулку, мрачная и издерганная. Погода стояла под стать – моросил дождик. Небо затянули серые комковатые тучи. Тяжелые капли падали мне на лицо, срываясь с веток кипарисов. Леваллуа Перре засажен кипарисами вдоль и поперек, словно кладбище. Если я не приму решения, парижский пригород станет моей могилой.

У Жака было пусто. Даже Максимилиан предпочел в такую погоду посидеть дома, не тревожа ревматические кости. Я осталась в летнике, невзирая на промозглую сырость и ветер. При всей любви ко мне, Жак не позволял Баксу сидеть внутри помещения.

Сегодня явно был не мой день. Жак не выходил. Обслуживала меня его жена, косившаяся недобро, словно хотела укусить. Я вцепилась в горячую чашку, грея озябшие ладони. Бакс трясся мелкой дрожью и нетерпеливо переминался на месте. Прогуливаться под дождем он не любил, мерз и, по приходу домой, долго стоял на подстилке, ожидая, когда я укурю его одеяльцем.

На дне чашки осталась остывшая коричневая лужица. Я поставила чашку на стол. Часы тикали, минутная стрелка ползла по кругу с отрешенностью старой черепахи. В голове мелькнула мысль, что было бы неплохо выпить рюмку коньяка, но я отказалась от идеи. Скоро предстояло ехать к Збышеку. Чувство острого, как бритва, одиночества, охватило меня. Несмотря на то, что я скрывалась второй год, привыкнуть к этому было невозможно. Всю жизнь со мной был кто-

то, в ком я могла черпать силы: Володя, Женя, Агата... А сейчас я совсем одна.

Я не сразу заметила Оливье, а он, судя по промокшей куртке, стоял и наблюдал за мной достаточно давно. Когда он без приглашения уселся за мой столик, я даже испугалась.

– Как дела? – спросил он.

– Хорошо, – ответила я, постаравшись изобразить беззаботность. – Извини, я тороплюсь.

Он очень неприятно ухмыльнулся, и я подумала, что в его лице, еще недавно казавшемся таким милым, есть что-то звериное. Поспешно опустив взор, я натолкнулась взглядом на его руки: тонкие, с худыми пальцами и аккуратными ногтями. Руки, так напомнившие лапки белых лабораторных крыс, с красными глазами и мясистыми лысыми хвостами.

– Ты сидишь тут уже час, – сказал Оливье. – А как только подошел я, сразу заторопилась уйти. В чем дело, Алиса? Я сделал что-то не то?

Бакс, почуяв неладное, поднялся с пола, уставился на Оливье тяжелым взглядом и даже выдохнул как-то по-особенному, что можно было принять за рычание. Я погладила пса по голове, но он не успокоился. Наверное, он чувствовал мою нервозность, хотя я старалась выглядеть естественно.

– Что ты, все в порядке, – пролепетала я, с досадой чувствуя, как фальшивит мой голос. – Просто у меня действительно назначена встреча.

– С мачехой? – спросил Оливье. Я не ответила, вопроши-

тельно приподняв брови. – Я все знаю про тебя.

Я поднялась, стараясь не меняться в лице, но почувствовала предательский жар на щеках. Наверняка на мне что-то такое отразилось, потому что Оливье затараторил как пулемет.

– Я виделся с твоей сестрой. Прости. Мне было интересно. Она рассказала о тебе какую-то дикую историю. Я не знаю, чему верить, Алиса, но она говорила, что ты унаследовала состояние отца и оставила с носом мачеху и сестру, что ты... отравила мужа и сбежала за границу. Мне не хотелось верить, но... Ты же сама виновата, не хотела ничего рассказывать, а я... А они... ты же говорила с ними по-русски, я слышал, и явно была не рада встрече... Ты, правда, отравила мужа?

– Чушь, – резко ответила я.

– Но ты живешь под чужим именем, – констатировал он. – И живешь неплохо, в то время, как твоя мачеха и сестра...

– Она мне не сестра, – возразила я. – Они бросили отца умирать в Праге, когда он стал обузой. Не было никакого наследства. Все деньги ушли на его лечение. Мой муж умер от сердечного приступа в больнице. Никакого криминала в его смерти нет.

– Но она сказала...

– Мне все равно, что она сказала.

– Ты – не полячка. И не Буковская, – сказал Оливье странным тоном. – Ты – Мержинская, русская театральная актри-

са. Я видел фотографии в Интернете. Только там ты блондинка. А теперь ты живешь под чужим именем во Франции и избегаешь людей. Если в твоей жизни не было ничего страшного, почему ты прячешься?

Я сразу не нашлась что ответить, уставившись на стол, покрытый скатертью в белую и красную клетку. В кафе слышались приглушенные голоса и гомон болельщиков – по телевизору шел футбольный матч. Из открытого окна кухни доносились запахи ванили и горячего теста. По тротуару торопливо шла женщина с бумажным пакетом, который она держала, как младенца. Из пакета торчали пучки зелени.

– Ты не скажешь мне? – спросил Оливье, после того, как молчание стало просто неприличным. Я покачала головой.

– Это очень долгая и неприятная история, – нехотя произнесла я. – И тебе лучше держаться подальше, Оливье. Поверь мне, это добрый совет.

– Почему?

– Потому, – резко ответила я, надеясь, что он перестанет спрашивать. Он помолчал с минуту, словно взвешивая все «за» и «против».

– Ладно, – наконец сказал он и натянуто улыбнулся. – Это, наверное, действительно не мое дело. Я вообще хотел попросить тебя об услуге.

– Какой?

– Ты не одолжишь мне три тысячи?

Я промедлила с ответом всего лишь секунду, и это явно

было ошибкой, потому что Оливье буквально впился в меня взглядом, а на его бледном лице мелькнула тень злорадства.

– Извини, но ничем не могу тебе помочь. У меня нет денег, – ответила я.

– Жаль, – вздохнул он и развел руками, улыбнувшись, как Иуда.

Домой я почти бежала, поминутно оглядываясь, и выглядела наверняка, как полоумная. Во всяком случае, пара прохожих обернулись и посмотрели вслед девице в распахнутом пальто, несущейся по тротуару в компании ротвейлера. Баксу развлечение понравилось. В дом я влетела, едва не снеся ворота. Оставив пса сторожить хозяйство, я села в машину и поехала к Збышеку.

Мне казалось, что Оливье будет за мной следить. Его тон не оставлял сомнений. Та ничтожная сумма, которую он жаждал получить, была лишь приманкой. Если бы отказала сразу, возможно, он отреагировал бы по-другому, но мое замешательство не осталось незамеченным. В его глазах вспыхнул нездоровый интерес. Не знаю, что еще рассказала Людочка, но этого явно хватило. Насколько этот тандем осведомлен в моих проблемах осталось неизвестным. Остаться дома нельзя.

До берлоги Збышека я добиралась окольными путями, петляла по улочкам, проехала через латинский квартал, где частенько покупала обувь и одежду на летних распродажах,

прокатилась по набережной Сены и, увидев, что время вышло, направилась за документами.

Только въехав на Рю Шануанс я сообразила, как глупо поступила. Следовало забить машину вещами, взять пса и, получив паспорта, не возвращаться домой. Домовладельцу можно было позвонить откуда угодно, попросив собрать остальное и поместить на склад, деньги перевести через систему быстрых платежей... А можно было вообще не ставить в известность, бросить лишнее барахло и раствориться. Кристофу и Анне я могла бы позвонить позже или прислать сообщение.

Да, пожалуй, так и следовало поступить.

Разозлившись на себя, я влетела в узкий, как нора, дворик, приткнула машину у раскидистого каштана и вышла, сжимая в руках сумочку, набитую деньгами. Двор, обшарпанный, на удивление грязный, выглядел настоящей клоакой. Неподалеку, из черного «Мерседеса» били в стены тяжелые басы рэпа, а немелодичный мужской голос кричал из динамиков что-то о свободе. В машине сидели негры, в черных кожаных куртках, бритые наголо и что-то орали друг другу. Я боязливо покосилась на них и поторопилась шмыгнуть в дом. Поднявшись на один пролет, выглянула в окно. Из «Мерседеса» вразвалочку вышел пузатый негр и небрежно подошел к моей машине. Я чертыхнулась и снова пожалела, что не взяла с собой пса. Хотя, если эта компания вооружена, собака не спасет.

Те два года, что я прожила во Франции, так и не смогла привыкнуть ни к арабам, ни к неграм, лилово-черным, наглым, совершенно бесцеремонным, и старательно обходила их стороной. Нежелание отвечать на их сальные шуточки было связано не только с боязнью быть ограбленной, убитой или изнасилованной, но банальной предосторожностью. Окажись рядом бдительный полицейский, желающий пробить мои документы на подлинность, моя легенда полетела бы к чертям. В такие минуты, отмалчиваясь на улицах после свистков и улюлюканий в свой адрес, я думала: вот оно нашествие терминаторов. Компьютеры стали моими врагами. Арабы же, а особенно арабские женщины, облаченные в свои черные одежды, с платками на головах, вызывали у народа инстинктивное опасение и неприязнь. Каюсь, я не стала исключением, особенно когда чудом опоздав на самолет в Рим, узнала о попытке его захвата.

Негр быстро огляделся по сторонам и, вынув из внутреннего кармана длинную узкую спицу, без особого труда открыл дверь машины и сунул туда верхнюю часть туловища. Я стиснула зубы от злости, а потом подумала: ну и что? Машину все равно придется бросить, почему бы не тут? В ней нет ничего ценного. Документы и деньги я взяла с собой, а ценность старой магнитолы весьма условна. Пусть подавятся. Больше в этой ситуации меня беспокоило, как выйти обратно, не нарвавшись на неприятности. Одна я с четырьмя здоровяками не справлюсь, тут и думать нечего.

Лифт не работал, я поднялась еще на один пролет и снова выглянула в окно. Негр уже вылез из машины и помахал приятелям выдранной магнитоной. Положив магнитолу на крышу «Рено» он, не торопясь, справил малую нужду прямо в салон. До меня донесся одобрителный гогот. Была бы у меня граната, как пить дать швырнула бы ее вниз. Негр поднял голову, увидел меня и издевательски помахал рукой. Я отвернулась и посоветовала себе успокоиться.

Збышек, похоже, стоял прямо за дверями, потому что открыл еще до того, как я подняла руку, чтобы постучать. Он втащил меня внутрь и, быстро выглянув наружу, захлопнул дверь, заперев ее на два замка.

– Принесла? – спросил он. Я вырвала плечо, за которое он держал меня и хмуро потребовала:

– Паспорта.

Он поманил пальцем. Я вошла в уже знакомую комнату, где на столе, заставленной банками из-под пива, пакетами чипсов и коробками из китайских харчевень, тощей стопочкой лежали три паспорта. Я схватила их и быстро перелистала.

Да, это я. Три документа, три разных имени, визы, отпечатки пальцев... Совпадает только фото.

– Деньги, – напомнил Збышек, стоявший как палач над жертвой. Я открыла сумочку и вынула пакет с деньгами.

– Пересчитаешь?

– Непременно.

– Столбиком? – ядовито поинтересовалась я. Нервное напряжение не отпускало. Збышек усмехнулся.

– Вроде того. Машинки у меня нет, так что придется вручную. Можешь пока выпить пива.

– Спасибо, не хочу.

– Напрасно. Бельгийское, очень даже хорошее... Ну, как знаешь. Сядь куда-нибудь, не отсвечивай.

Я отошла к окну, раскрытому настежь. Сверху расстилался отличный вид на парижские крыши, мокрые от моросящего дождя. Я пожалела, что не могу увидеть Сену, для этого пришлось бы пробиться взглядом через несколько рядов высотных зданий, стоящих на набережной Окс Флер и улице Урсен. Хотя, сегодня Сена не доставила бы мне удовольствия, она наверняка была мрачной, как промозглое серое небо, пронзенное насквозь шпилем Эйфелевой башни.

– Все в порядке, – сказал Збышек. Я обернулась. Он укладывал деньги ровной стопочкой, перетягивая ее резинкой. – С тобой приятно иметь дело.

– Взаимно, – улыбнулась я. – А теперь, если не возражаешь, я пожалуй...

Я сделала шаг к двери с намерением попрощаться, но последнее слово застряло у меня в глотке. В дверь постучали, нет, скорее забарабанили, резко, сильно, без малейшей деликатности. Я отпрянула, Збышек подскочил на месте.

– Ты пришла одна? – прошептал он. Я затрясла головой, что означало «да». – Внизу никого не было?

– Были негры, – прошептала я. – Торчали у дома в облезлом «Мерседесе».

Збышек, сжимая купюры в руках, прокрался к двери и заглянул в глазок. За дверью что-то глухо хлопнуло. Понимался треск, короткий сухой звон и влажный удар. Из-под волос на затылке Збышека вырвался фонтанчик красных брызг.

Я закричала. Збышек, взмахнув руками, неловко упал на пол, не издав ни единого звука. Деньги рассыпались по полу разноцветным листопадом. В дверь снова замолотили, а потом, после короткой паузы стали бить чем-то тяжелым. Петли затрещали. Не сознавая, что делаю, я бросилась к окну, а в голове черной бабочкой бились слова Збышека, ответившего на мой нелепый вопрос.

«...Я прыгну вниз...»

Я перекинула ногу через узкий подоконник и оказалась на узком карнизе. Ветер, сырой и безжалостный, ударил мне в лицо. Я пошатнулась, прижалась к стеклу и только потом взглянула вниз, ожидая увидеть пропасть.

Подо мной, в паре метров, была площадка лестницы, прикрепленной к стене. Железный марш тянулся через всю стену. Не раздумывая, я прыгнула, не дожидаясь, пока неизвестные ворвутся в комнату.

Я упала на железную площадку, ответившую громким протяжным стоном, приложившись к перилам лицом. От удара на миг потемнело в глазах, а позвоночник откликнул-

ся тупой болью. Я глухо вскрикнула, а потом, вцепившись в перильца, стала спускаться, с каждым пролетом набирая скорость. Ступени грохотали под ногами, а я, тяжело дыша, думала только об одном: бежать как можно быстрее, иначе – все...

До земли лестница не доходила. Я спустилась до последней ступеньки, уцепилась за нее руками и, провисев всего мгновение, сорвалась вниз, упав на спину в жидкую грязь. Серое небо завертелось перед глазами. Охая, я поднялась и, хромая, поковыляла прочь от дома, сворачивая в переулки, пока не оказалась на оживленной Рю Шантр. Мое пальто было грязным. Идти в таком виде было невозможно. Я затравленно обернулась, но погони не было. Рядом был магазин готовой одежды и я, не раздумывая, поковыляла туда, вызвав у продавцов настоящий переполох.

– Мадемуазель, у вас что-то случилось? – испуганно спросила толстуха у кассы. – Может быть вызвать полицию?

– Не надо полиции, – отрезала я, облизывая разбитую губу. – Мой парень – настоящая свинья. Мы поругались, и он толкнул меня в грязь. Я не могу идти в таком виде. Пожалуйста, подберите мне брюки и куртку.

Толстуха сочувственно покачала головой и крикнула какую-то Виржини. Спустя мгновение ко мне подошла молодая девушка. Я купила первую попавшуюся куртку и брюки, попросила вызвать такси. Примеряя одежду, все время нервно оглядывалась на витрину, ожидая, что мимо промчится

«Мерседес», и, кажется, сумела заразить своим состоянием продавца. Наверное, поэтому они предпочли вызвать такси и избавиться от странной покупательницы. Усевшись в машину, я проехала несколько кварталов и попросила высадить у станции метро. До дома я добиралась с несколькими пересадками, бдительно озираясь по сторонам, и только оказавшись в Леваллуа Перре выдохнула с облегчением. Невероятно, но мне удалось уйти.

Наша жизнь порой зависит от таких мелочей...

Первые несколько минут, когда я металась по дому, собирая вещи в кучу, меня поддерживал взрыв адреналина. Мыслить о чем-то ином, кроме побега я была просто не в состоянии, оттого носилась по комнатам, хватала с вешалок платья, швыряла их в чемодан, рылась в комоды, в поисках шкатулки с кое-какими драгоценностями, злилась, что не могу их найти. И только когда я споткнулась о коврик и растянулась на полу под аккомпанемент грохота и звона, кровь отхлынула от мозга. Я свернулась в калачик и заскулила, как щенок. Время, плотное и вязкое, остановилось. Я выла, корчась на полу, чувствуя, как разрывается от боли грудь.

Капли били в стекло. Небу нет дела до чужих истерик, у него хватает своих дел. Дождь – это не слезы. Это просто вода.

Я очнулась через полчаса, вымотанная донельзя. Слезы иссушили меня, голова была пустой и гудела, как линии вы-

соковольтных электропередач. Я уселась на пол, оперлась о стену и тупо уставилась на чемодан. Торчащие из него вещи выглядели так, будто внутрь угодила бомба, разметав их в разные стороны. В моей руке была зажата шкатулка. Я обнаружила это когда подняла руку, чтобы вытереть слезу. Шкатулка была пустой. Когда я упала, мои кольца, пара браслетов, цепочки и серьги раскатились по полу.

Я подумала о кофе. Было бы хорошо посидеть в кафе, потягивать ароматный напиток, окружить себя чужими болтливыми французами, создав при этом атмосферу мнимой безопасности. Здесь же, в этом гулком пустом доме мне было не по себе. Среди людей, в стенах безликой человеческой массы я почувствовала бы себя защищенной и храброй, или, сумела бы убедить себя. Но идти к Жаку сейчас было нецелесообразно.

Мысль о кофе показалась стабилизирующей. Я поднялась и пошла на кухню. Через пару минут я, сидя за столом, мрачно разглядывала беспорядок в доме. Крепкий напиток прояснил мои затуманенные мозги, и я поняла – мне нечего собирать. Машины нет. Она осталась перед домом Збышека. Если ее не отогнали куда-нибудь в подворотню члены банды, полиция явится ко мне с вопросами. И если они увидят чемодан, то поймут, что я в чем-то замешана. Меня сунут в камеру предварительного заключения, намажут пальцы чернилами и, сняв отпечатки, сравнят их с теми, что отпечатаны в моих многочисленных паспортах, обнаружат несоответствия

и отправят в тюрьму.

И тогда мне конец.

Не надо тешить себя иллюзиями, что ажаны не смогут выяснить, кто я. Сведения просочатся на родину. У Захарова и Гловы хватит связей, чтобы потребовать моей выдачи. Впрочем, на выдаче может настаивать и милиция. В конце концов, я убила человека. Никто не поверит, что я защищалась, вонзив в горло врага обломок ученической шпаги. На кону стоит слишком много денег, чтобы это выглядело самозащитой.

Я унесла чемодан в гардеробную и оставила его там, собрала драгоценности и положила в сумку вместе с деньгами. Стопку паспортов спрятала в потайной карман. А потом окинула дом прощальным взглядом. Больше здесь мне было нечего делать. Оставалась одна проблема – Бакс. Привыкнув иметь под рукой машину, я совершенно не переживала по этому поводу, но теперь, когда я осталась без верного «Рено», следовало озаботиться о том, куда пристроить собаку. Не каждый таксист готов был меня подвести, особенно в такую погоду. Чистить салон никому не хотелось. Впрочем, деньги решают все. Суну таксисту полсотни за доставленные неудобства и конец проблеме.

Проверив, перекрыла ли воду и газ, я погасила свет, свистнула Бакса и направилась к выходу. Пес глухо зарычал и рванулся вперед, натянув поводок. Я удержала его, чувствуя, как сердце рухнула куда-то вниз.

Тень у ворот оглушительно взвизгнула и попятилась.

– Ой, да держи ты своего пса, дура, – закричала она голосом мачехи. Я застыла, а потом нащупала кнопку выключателя. Фонари вспыхнули, осветив круглое, как луна, лицо Ларисы.

– Какого черта ты тут делаешь? – зло спросила я. – И как ты меня нашла?

– Мир не без добрых людей, – ядовито рассмеялась Лариса. – В дом пригласишь?

– Заходи, – раздосадовано ответила я. Пусть лучше войдет, чем кликушествует на улице. За Ларисой это не заржавеет, а соседи точно будут знать, что два года сочувствовали как минимум русской террористке.

– Собаку привяжи во дворе, я ее боюсь, – сказала Лариса, опасаясь приближаться. Я криво усмехнулась и втащила Бакса в дом. Мачеха вошла внутрь после недолгих колебаний, жадно осматриваясь по сторонам.

– Да, бедненько, зато чистенько, – протянула она. – Чаем угостишь?

– Чая нет.

– А кофе? Я чувствую, что тут пахнет кофе. Замерзла, как собака, пока тебя нашла...

– Кофе тоже весь вышел, – холодно ответила я. – Зачем пришла?

Лариса очень неприятно рассмеялась, скинула дождевик и без приглашения устроилась на диване.

– А может я просто так, по-семейному? Не чужие, чай,

люди-то, Алиса Геннадьевна. Было ж время, когда и я тебя в своем доме привечала, пирогами кормила.

– Это было один раз, – напомнила я.

– Ну, пусть так. Вот, стало быть, и я к тебе пришла с ответным визитом.

Ее тон не нравился. Для гостьи она вела себя слишком нагло. Не нужно было долго думать, из какого источника она почерпнула сведения обо мне. Оливье, гаденыш... Интересно, что он ей наболтал?

– Рюмочку коньяку? – предложила я светским тоном. – Больше потчевать нечем. Я не такая знатная кулинарка, как ты.

– А, давай, – махнув пухлой ручкой, сказала Лариса. – Прохладно у тебя...

Наливая коньяк, я сосредоточенно размышляла, нет ли на кухне чего-нибудь помощнее, вроде кураре, но в голову ничего не лезло. Не кормить же ее мелками от муравьев?

Подав коньяк, насыпав в вазочку фисташек, я уселась напротив с вполне беззаботным видом. Лариса насмешливо смотрела на меня.

– Как ты оказалась во Франции? – спросила я. – Вы ведь уехали в Германию, если я не ошибаюсь?

– Ай, да ну их, бургеров этих, с их порядками, – скривилась мачеха. – Ни выпить, ни поорать. Улицы мети, после одиннадцати шуметь не смей – сразу полицию вызовут. Подумали и решили, поедем сюда, тут вроде веселее жить.

– И как? – усмехнулась я. – Весело?

– Кабы весело было, я б цветочками на дороге не торговала, – огрызнулась Лариса. – Работы нет, язык это противный так и не освоила. Людка, вроде, шпрехает, она французский в школе учила. А я вот все никак не вдолблю.

Лариса отпила из бокала, сморщилась и поставила его на стол. Я выжидающе молчала и потягивала коньяк. Ларисы надолго не хватит, это я точно знала. И хотя она очень изменилась, и от вздорной клуши с глуповатым лицом не осталось и следа, удержать в себе эмоции она не сможет. В этот момент я вспомнила родной театр, двух престарелых прим, соревновавшихся в умении держать паузу, и мысленно поблагодарила их за урок.

– Думаешь, небось, зачем я пришла? – спросила Лариса, елевым голосом, сдобренным изрядной порцией цианида. – Гадаешь, нервничаешь...

– В основном, удивляюсь, – спокойно ответила я. – С чего это вдруг случился этот приступ материнской любви. Мы и при жизни отца не ладили, а уж после его смерти и подавно.

– Да ладно, – зло фыркнула мачеха. – Овцой-то не прикидывайся, Мата Хари, а меня конченной дурой и подавно не считай. Я тут подумала и решила: ты должна мне по родственному помочь. Двести тысяч евро меня вполне устроят.

Я рассмеялась. Лариса недобро прищурилась.

– Я сказала что-то смешное?

– Конечно. Сейчас я тебе из чулка достану двести штук

мелочью. Я похожа на человека, у которого водятся такие деньги?

– Не придуривайся!

– А кто придуривается? Даже если бы и были... С чего мне просто так выкладывать бабло малознакомой бабе? Исключительно потому, что когда-то она жила с моим папенькой? Так отец меня бросил еще в детсадовском возрасте. Я его почти не знала, а уж тебя и подавно. Так что шли бы вы, женщина, пока ветер без камней!

– Я-то пойду, – хмыкнула Лариса. – Я так пойду, не обрадуешься. И с полицией вернусь.

Я сделала глубокий вдох, а потом мило улыбнулась.

– Иди. Расскажи им, откуда ты меня знаешь. А я буду отрицать. При самом удачном раскладе, ты сухой тоже из воды не выйдешь. Пойдешь по этапу за попытку шантажа, уж не знаю, как это тут называется. А при самом неудачном варианте, поверят мне, молодой, красивой и респектабельной, а не торговке цветами.

Я улыбалась, но, похоже, мои слова мачеху лишь разозлили, но отнюдь не выбили из седла. Она поджала губы, а потом сунула руку в сумочку. Я подобралась и приготовилась дать команду Баксу, и без того наблюдавшему за нами с напряженным вниманием. Но Лариса вынула из сумки не пистолет, не нож, а яркий журнал и газету и швырнула их через стол. Газета до меня не долетела, а журнал, проскользив по лакированной поверхности, сбил бокал. Осколки стекла

брызнули во все стороны, а недопитый коньяк впитался в ковер, образовав на нем некрасивое пятно.

– Полиция – это самый простой вариант, – произнесла Лариса прежним тоном. – Но ведь можно поступить по-другому. Взять, к примеру, этот журналчик и газетку и отправить на родину. Там будут рады узнать, что актриса Мержинская, которую до сих пор разыскивают менты, преспокойно проживает в Париже, не особенно скрываясь. А там, глядишь, и другие люди заинтересуются.

Я придвинула к себе газету, свернутую вчетверо. На третьей полосе выделялась небольшая заметка, обведенная зеленым маркером. Броский заголовок гласил: «Супруга медиа-магната Кристоф д'Альбера при смерти. Миллионер провожает супругу вместе с молодой фавориткой».

Заметка была унылой и малоинформативной. Скупо описывалось состояние Анны, еще более скупо подробности биографии д'Альберов. Меня представляли как «загадочную подругу месье д'Альбера, разводящую племенных ротвейлеров». Все бы ничего, но материал иллюстрировало мое фото. Я отложила газету в сторону и открыла журнал.

Здесь было то же самое. Светский хроникер запечатлел нас на собачьей выставке. Я улыбалась в объектив, удерживая на поводке Бакса, а рядом стоял Кристоф.

Лариса, скалясь барракудой, допивала коньяк. Чего-то подобного я подсознательно и ждала, потому произошедшее не стало для меня ударом.

– Я выпишу тебе чек, – спокойно ответила я.

– Э, нет, – живо возразила мачеха. – Я предпочитаю наличные.

– Побойся бога. Я не держу здесь таких денег, а банки вот-вот закроются. Возьми чек, и покончим с этим.

– Нет, – твердо сказала она. – Только наличные. Я тебе не верю. Сними с карточки.

– У меня там мелочь, – покачала головой я. – И без того потратилась. Основной капитал на другом счете. Хочешь денег – бери чек или жди до завтра.

– Хорошо, – неожиданно легко согласилась мачеха. – Завтра в десять утра едем в банк. Обналичишь бабки и отдашь их мне. И не вздумай мухлевать, я вашу породу насквозь вижу!

– Всегда рада помочь родственникам. Не хочешь переночевать? У меня есть отличная гостевая комната.

Если Лариса до предложения и хотела остаться, то тут же передумала. Я произнесла это, улыбаясь дурной улыбкой, поглаживая пса по черной голове.

– Нет, спасибо, – с убийственной вежливостью отказалась мачеха. – Еще подушкой задушишь. В общем, завтра я тут к десяти буду, как штык. Чтобы без фокусов!

Я развела руками. Внутренний голос подсказывал – это еще не конец. Проводив Ларису, я улеглась на диван и принялась размышлять. Мысли скакали, как блохи.

В одиннадцать вечера я вышла выгулять пса. Облаченная

во все черное, я не слишком выделялась в темноте. В сумке лежали документы и деньги. И, хотя я надеялась «на авось», в глубине души не верила, что повезет. Так оно и вышло.

Когда я свернула к скверу, через который ходила к кафе Жака, позади под чьей-то ногой треснула ветка. Я уже видела ярко освещенную улицу, вереницу такси, но предпочла сделать вид, что направляюсь совсем не туда. Прервав прогулку на полпути, я резко развернулась и направилась к дому, практически нос к носу столкнувшись с Людочкой. Она проводила меня внимательным взглядом и довольно улыбнулась. Я же, захлопнув за собой дверь, подумала, из каких мелочей состоит наша жизнь. Уйди я из дома на четверть часа раньше, они бы меня уже не нашли.

Я лежала на диване, слушала как тикают часы и смотрела в потолок. Время, злейший враг, словно издеваясь, заставляло стрелки двигаться все медленнее и медленнее. Не могу сказать, что я твердо знала, что нужно делать.

Леваллуа Перре. Моя улица. Частные домики, обнесенные глухими заборами, натканные, как соты. Соседи, большей частью дружелюбные, любопытные и в то же время равнодушные к тому, что их не касается. На улицах – кипарисы и каштаны. Иногда здесь царит адская суета, но бывают дни, как сегодня, когда мертвая тишина заползает в каждый уголок, давит звуки, заставляя замирать. И тогда жизнь в парижском пригороде затихает. На уик-энд тут тихо, как в гро-

бу. Я пожалела, что Лариса не пришла в выходные. У меня было бы больше времени на раздумья.

Хотя, хорошо, что она явилась в будний день. Я не хотела бы мучиться от бездействия несколько дней.

Двести тысяч меня бы не разорили. Не такая большая потеря за свободу, вот только уверенности в благоразумии мацехи и ее команде нет. Получив мзду один раз, она потребовала бы еще, и еще, и еще, пока не выдоила бы меня без остатка, а потом, не имея возможности получить еще, Лариса бы меня сдала с потрохами, просто из желания отомстить.

Думаю, она ненавидела меня всегда. В детстве я была якорем, который тянул отца вниз. Не думаю, что он сильно сомневался, когда решил переехать в Германию. Кажется, им не хватало каких-то документов, потому переезд состоялся, когда я уже была замужем за Володей. Я вспомнила нашу последнюю встречу в театре, после премьеры, когда мне померещился ее взгляд, злобный и жалкий. Я была богата, жила в шикарном доме. Ее участь была незавидна. Страна Лимония светлых надежд не оправдала, отец подвел, и она спокойно сбросила его с плеч, высмеяв за никчемность. Встреча во Франции была шансом поквитаться.

Бакс храпел у дивана, просыпаясь, когда я убираала руку с его горячего бока. Присутствие пса успокаивало.

Я могла понять Оливье. Художник-неудачник, непризнанный гений, чьи планы все никак не осуществлялись. Лариса и Людочка заморочили ему голову несметными богатства-

ми, которые так легко получить, и он поплыл. Возможно, он мне симпатизировал, может быть, даже увлекся, но деньги – шуршащие, зовущие, волшебные – перевесили хорошее отношение.

Часы показывали половину первого.

Я поднялась и подошла к окну. Фонари рассеивали тьму. У ворот, увитых виноградом, прохаживался темный силуэт, тонкий и смазанный. Чиркнула зажигалка, и неверный свет пламени высветил из мрака лицо Оливье. Прикурив, он повернулся. Я не видела его лица, лишь тлеющую красную точку сигареты, но в тот момент мне казалось, что он смотрит мне прямо в лицо, невзирая на стекло и тюлевую броню.

Сколько они намерены караулить?

Я набрала номер Оливье и поднесла телефон к уху. Силуэт задергался и вытащил свой сотовый, горевшим слабым огоньком.

– Алиса?

– Сколько они тебе пообещали? – тихо спросила я.

– Алиса... я...

– Сумма, Оливье. Сколько вы намерены с меня выдоить?

Он помолчал, а потом нехотя сказал.

– Шесть тысяч.

Я чуть не рассмеялась. Добавив в голос толику отчаяния и надежды, я сказала.

– Они обманули тебя.

– Что?

– Обманули. Они просят с меня сто...

Оливье не ответил, и только задышал в трубку, подсчитывая ущерб. Не дав ему опомниться, я прорыдала:

– Это все, что у меня есть. Я отдам тебе половину, если ты поможешь мне. Я не верю им. Они пойдут в полицию, а я... Я не могу... Я должна уехать...

Он молчал. Всхлипывая, я с каким-то отстраненным хладнокровием слушала его дыхание. Ну, Оливье, порадуй меня, скажи, что согласен, ведь пятьдесят тысяч больше шести.

– Как мы это сделаем? – тихо спросил он. Я улыбнулась.

– Я не знаю... От них надо избавиться. Мы должны поехать в банк на их машине?

– Да...

Значит, машина есть... Очень хорошо...

– Мы должны разделиться, Оливье. Ты поедешь со мной, а они пусть едут следом. По дороге мы оторвемся, вернемся сюда, ты получишь свою долю, а я исчезну.

– Почему ты говоришь – вернемся сюда? – насторожился он.

– Потому что деньги в доме, Оливье, – сказала я. – Я замуровала их в подвале.

Он снова замолчал. Я ждала, слушая, как тикают часы.

– Я не знаю, Алиса, – сказал он, наконец. – Все... все так запутано... Я не могу тебе верить...

– Оливье, я тебя умоляю!

– Я не знаю. Надо подумать. Я позвоню тебе.

– Нет, – вскричала я. – Не надо. Я боюсь их. Они могут понять, что мы сговорились. Если ты согласен, то завтра, когда я выйду из дома, скажешь, что поедешь со мной. Если нет – я все пойму... Пожалуйста, Оливье... Прошу...

– Я подумаю, Алиса, – пообещал он и отключился. Я усе-лась на диван и почесала Баксу живот. Он тут же перевер-нулся на спину, похрюкивая от удовольствия. Цель была до-стигнута, зерно раздора посеяно.

Мне уже приходилось иметь дело с шантажистами. Чего только стоил полоумный фанат, запечатлевший момент, ко-гда мы с подружкой выносили из дома труп бандита, явивше-гося за деньгами. Впрочем, в прошлой жизни меня трясли, как грушу, со всех сторон, и это были куда более изобре-тательные люди.

Леваллуа Перре. Домики-соты. Камерная идиллическая атмосфера пригорода. Соседи.

Справа от меня жила мадам Пьюдеба, очаровательная ста-рушка, помешанная на розах. В ее саду было больше сотни кустов самых разных сортов и оттенков. Дети навещали ма-дам Пьюдеба редко и цветами, как мне кажется, она спаса-лась от одиночества. Иногда мы встречались с ней в магази-не и мило кивали друг другу. Однажды она пригласила меня на чай, и угостила Бакса печеньем. Слева жил месье Рош, ад-вокат с обширной практикой и большим семейством. За два года я так и не подсчитала, сколько у него было детей. При подсчетах я сбивалась, каждый раз получая разный вариант:

то пять, то шесть. Мадам Рош меня не любила, а Бакса считала убийцей кошек и детей. Мы сталкивались с ней в кафе Жака, куда она приходила со своим выводком. Мадам Рош никогда не здоровалась и гневно выговаривала Жаку, что он позволяет опасному животному находиться рядом с людьми. Кажется, она была и расисткой, поскольку ее отношение к нефранцузам было подчеркнуто брезгливым.

Через два часа я снова подошла к окну, простояв у него больше четверти часа. У ворот никого не было.

Они явно караулили меня в машине. Ночь холодная, при-
сесть негде. Ночевать со мной в одном доме Лариса отказалась. Возможно, потому что побоялась расправы, может быть, опасалась предательства со стороны Оливье. Явись они ко мне всей бандой, в разговоре всплыла бы истинная сумма, а делиться мачеха не желала. Чья бы очередь не была дежурить у ворот, он явно халтурил. К тому же никто не знал, что машины нет в гараже. Лариса туда не заглядывала, а соглядатай у ворот либо проворонил момент моего возвращения, либо явился позже.

Я крадучись прошла в гостиную, выходящую окнами во двор, и шепотом позвала собаку. Да здравствуют парижские пригороды, с коттеджами, обнесенными каменным забором в полтора метра высотой!

Вылезти в окно не составило никакого труда. Бакс, вспрыгнув на высокий подоконник, спустя миг оказался в саду. Дальнейший выбор был небогат. Ворота семьи Рош вы-

ходили на ту же улицу, что и мои. К тому же адвокат держал дома двух котов, которые иногда бродили по ночам. Хотя ночь была сырой, я решила не рисковать. Дом мадам Пьюдеба был угловым. Больше всего я боялась, что Бакс, принявший все за веселую игру, начнет лаять, потому я нацепила на него намордник.

– Барьер! – приказала я, ткнув пальцев в стену. Пес посмотрел на меня, как на дуру.

– Барьер! – повторила я, добавив металла в голос. Бакс разбежался и его литое тело взвилось вверх. Спустя миг он исчез в саду мадам Пьюдеба. Теперь настала моя очередь.

Поскольку я не была настолько хорошо тренированной, как мой пес, то потратила на попытки перебраться через стену куда больше времени. Обломав ногти и поняв бесперспективность своих попыток, я влезла в окно кухни, взяла стул, поставила его к стене и залезла на нее. Бакс смотрел на меня снизу, сверкая глазами.

Я спрыгнула вниз.

Лариса и ее друзья могли караулить ворота сколько угодно. Под утро хорошо спится, особенно если на улице моросит дождь, а в машине работает печка. Никому из них не пришло в голову, что я полезу через забор на частную собственность соседей. Ни мачеха, ни Оливье не знали, на что я способна в критические моменты.

Я вышла из владений мадам Пьюдеба, потоптав немало клумб. Надеюсь, последствия были не смертельными, все же

осень... Переулок был неплохо освещен, потому я побежала, поминутно оглядываясь. И только через четверть часа почувствовала себя в безопасности, изрядно попетляв по улицам. Я не рискнула идти на стоянку такси, опасаясь, что Людочка, Лариса или Оливье могут засесть в баре напротив кофейни Жака. Уходя все дальше от дома, я чувствовала, что с каждым пройденным кварталом все больше обретаю уверенности в себе. Смутные планы на будущее оформлялись в четкую картину.

Примерно в пять утра я поймала такси и уехала в Париж. Водитель немного поворчал по поводу собаки, но деньги сделали свое дело. Я поехала в недорогой отель, где частенько останавливались собачники со своими питомцами, приезжая на выставки.

Я зарегистрировалась под именем Марии Левкиной. Сонный портье, отчаянно зевая, дал ключи от номера, не удостоив вниманием, что вполне устраивало. В номере я с наслаждением вымылась сама и выкупала грязного Бакса, развесила сушиться мокрую одежду. Выключив звук на мобильном, я улеглась спать.

Проснувшись, я обнаружила в телефоне семнадцать пропущенных звонков и двенадцать сообщений. Большая их часть была от Оливье. Несколько сообщений пришло с незнакомого номера, где латиницей были набраны русские фразы, экспрессивно желавшие мне сдохнуть.

В семь утра мне звонил Кристоф. От него же пришло по-

следнее сообщение, прочитав которое, я расплакалась. Кристоф был лаконичен. На дисплее высветилось всего несколько слов, в которых говорилось, что сегодня ночью в госпитале Амбруаз Парэ умерла Анна.

На похороны я не поехала. Появляться в обществе Кристофа было небезопасно. Хотя я безумно жалела Анну, решила не рисковать. В номере, я валялась на кровати, смотрела пустым взглядом в телевизор, просматривала по верхам французские газеты.

Анну хоронили в воскресенье, на кладбище Монпарнас. Кристоф, сделав несколько попыток дозвониться, прислал мне сообщение с временем и местом панихиды. Написав соболезнование, я сообщила, что приехать, к сожалению, не смогу, но навещу его по приезду в Париж. Лежа в постели, я слушала, как по стеклу стучат капли дождя и думала об Анне.

Станным образом, пожилая аристократка ассоциировалась у меня с другой женщиной, столь же хрупкой, стойкой к жизненным неурядицам, так же поддерживавшей меня в трудные минуты, и тоже ушедшей слишком рано. Сейчас, в прохладной комнате отеля, мне казалось, что это не Анна, а Агата уходит от меня второй раз.

Телевизор журчал на разные голоса. Подавленная своими мыслями, я не вслушивалась до тех пор, пока взгляд не наткнулся на знакомую картинку. Схватив пульт, я добавила

громкости.

– ... Подробности кровавого преступления в Леваллуа Перре пока не разглашаются, – с хорошо поставленным трагизмом заявил молодой репортер. – Известно, что в доме, где приживала польская подданная, был найден труп женщины.

Картинка сменилась. На экране возник грузный мужчина в полицейской форме. Он морщился от вспышек фотоаппаратов и ловко уворачивался от нацеленных микрофонов.

– Труп был обнаружен в подвале дома, – сообщил он. – Мы установили личность. Это мадам Лариса Филиппова, русская. Пока выясняется, что она делала в доме.

На экране возник дом, открытые ворота, машина, куда двое врачей вносили на носилках упакованный в пластик труп. Нервно косившийся на покойницу репортер протараторил пулеметной очередью:

– Наш источник сообщает, что убитая эмигрантка была обнаружена в подвале, рядом с разрушенной стеной, где был тайник. По имеющейся информации, в доме явно что-то искали. Пока ничего не известно о хозяйке дома. По свидетельству соседей, в доме проживала некая Алиса Буковская, по слухам, имеющая аристократические корни...

Я напряглась, ожидая, что сейчас на весь экран покажут мою фотографию, но этого не произошло. То ли полиция сработала не слишком оперативно, то ли у них под рукой действительно не оказалось моего фото.

...Тайник в стене... Как интересно...

То, что в доме все было перевернуто вверх дном, меня ничуть не удивило. Они искали в доме деньги, а когда не нашли, направились в подвал. С чего вдруг все решили, что там был тайник?

Подумав, я вспомнила. Несколько месяцев назад в подвале треснул фундамент, а из стены вывалился громадный кусок. Я не стала вызывать штукатуров, памятуя об отвратительном французском сервисе, купила строительную смесь, шпатель и как могла, заделала дыру. Получилось не слишком красиво, да и свежее пятно выделялось на потемневшей от времени стене, но меня это не беспокоило. Я даже как-то подумывала побелить стену, все равно заняться было нечем, но лень задавила. Выходит, они спустились в подвал, а там...

Я хорошо помнила склочный характер мачехи. Брошенные на благодатную почву семена дали неплохие всходы. Не обнаружив меня в доме, они принялись искать деньги, разругались, возможно, Оливье сказал, что знает, сколько Лариса хотела с меня получить...

А потом он ее ударил.

Мне внезапно стало холодно. Потянув на себя одеяло, я забила под него, осознав, что только что убила человека.

Добровольное заточение на пользу мне не пошло. Спустя два дня после побега из родного дома, я уже лезла на стены и была готова выть. Пес маялся в номере, смотрел с недоумением, и, положив лобастую башку на постель, вздыхал

так, что мог бы разжалобить камни. По его мнению, хозяйка маялась дурью. Частые переезды явно не шли на пользу ни мне, ни ему. Бакс часто дремал стоя, положив голову на меня, опасаясь, что я сбегу и оставлю его одного.

На третий день я вышла в город. Не знаю, зачем. Наверное, чтобы почувствовать себя живой, потолкаться среди людей, хотя еще совсем недавно сторонилась их. На телефон, поставленный в режим вибровызова, постоянно поступали какие-то звонки с неизвестных номеров. Возможно, со мной хотела пообщаться полиция, может быть это звонил Оливье.

Я была готова выключить мобильный и избавиться от него, когда Кристоф прислал сообщение. Он предлагал встретиться в укромном месте, неподалеку от их городской квартиры через два часа. Я ответила согласием.

До встречи было еще полно времени. Я прошлась по магазинам, заскочила в парикмахерскую, где постриглась и выкрасила волосы в рыжий цвет, а затем и переделалась в дамской комнате. До встречи осталось всего несколько минут. Я взяла такси и приехала на Лионскую улицу, запоздало сообразив, что это может оказаться ловушкой. Прохаживаясь в тени пожелтевших деревьев, я глазела на витрины магазинов, разглядывала какие-то безделушки, и в какой-то момент увидела отражение, смазанное, двоившееся: незнакомая девушка с копной стриженных под каре рыжих волос, в черной куртке.

Нет, это не я...

Машина Кристофа остановилась рядом. Сквозь тонированные стекла было невозможно определить, кто сидит внутри. Когда стекло поползло вниз, я шарахнулась в сторону, опасаясь выстрела.

– Садись, – буркнул Кристоф. Я бросила взгляд в салон и, обнаружив, что внутри, кроме него, никого нет, быстро забралась внутрь. Машина тронулась с места. Кристоф сосредоточенно смотрел вперед и молчал.

– Тебя полиция ищет, – сказал он, наконец. – Они даже мне задавали вопросы.

– Знаю, – сказала я.

– Кто была эта женщина в доме?

– Моя мачеха.

Кристоф помолчал, а потом, остановившись на красный свет, спросил тусклым, невыразительным голосом:

– Это ты убила ее?

– Нет.

– А кто?

Я пожала плечами.

– Предполагаю, что Оливье. Но могу ошибаться. Меня в этот момент уже не было в доме.

Неподалеку от моста Согласия мы застряли в пробке. Вынужденная остановка позволила рассказать Кристофу о моих злоключениях. Он слушал, не перебивая, не задавая вопросов, и только пальцы, барабанившие по рулю, выдавали его нетерпение. Не могу сказать, какое впечатление произве-

ла на него моя биография. Когда я закончила, голос Кристофа звучал по-прежнему ровно, без четко выраженных интонаций, и так же уныло, как осенний дождь.

– Что ты будешь делать теперь? Опять в бега?

– Видимо, да, – вздохнула я. – Оставаться в Париже слишком опасно. Я не знаю, куда могла позвонить Лариса, но если на мой след выйдут, то просто убьют.

– Куда поедешь?

– Я вернусь в Россию, – твердо сказала я. – За все время я так и не привыкла к жизни во Франции. Не могу я жить одна, устала. Здесь все чужое.

– Разве Россия для тебя не более опасна?

– Я ведь не собираюсь возвращаться в родной город. Это большая страна. Чем она хороша, так это бардаком. Потеряться там куда проще, чем во Франции. Да и жизнь по фальшивым документам не кажется безоблачной, особенно теперь, когда меня разыскивают по подозрению в убийстве.

– Ладно, – сказал Кристоф, помолчав несколько минут. – Дай мне пару дней и я все организую. Собака будет тебя стеснять. Ты же не собираешься бросать Бакса?

– Нет, конечно.

– Но он будет привлекать к себе внимание. Это же не болонка. Сделаем так: собаку я заберу. Где-то через два месяца я собирался в Москву на выставку. После того как Анна... словом, я хотел отменить поездку, но теперь все равно поеду и привезу Бакса. Ты улетишь раньше, налегке. Поживешь у

моих друзей.

– Я в состоянии снять себе квартиру и никого не напрягать.

– Не спорь. Я за тебя беспокоюсь. Они богатые люди, так что никого ты не стеснишь. А я буду знать, что с тобой все в порядке. Телефон выброси. Из отеля тебе тоже лучше выехать.

– И куда мне пойти?

– Я тебя спрячу.

– Вы с ума сошли? Не хватало еще, чтобы полиция признала вас... соучастником.

Я долго подбирала нужное слово, выуживая его из памяти, но так и не вспомнила, оттого произнесла его на родном языке. Кристоф горько ухмыльнулся.

– Что? – огрызнулась я.

– Я давно подозревал, что ты не полячка. Я ведь лингвист, и по определенным интонациям понимал, что ты жила где-то куда восточнее Варшавы...

– Лодзи.

– Ну, пусть Лодзи. Было даже интересно, куда заведет тебя эта дорожка. Мы с Анной долго гадали, кто ты такая. Подозревали даже, что ты специально с нами познакомилась, там, на выставке. Но быстро поняли, что ошиблись. Ты неохотно шла на контакт, Алиса. Это было подозрительно.

– Ты ведь сам ко мне подошел, помнишь? Я контактов с тобой не искала.

– Да понимаю я. Но, знаешь, как хитры бывают мошенники. Все знают, что собаки – моя слабость, так же как хорошенькие девушки, а тут такой комплект.

– Почему же тогда ты мне помогаешь сейчас? – полюбопытствовала я. – Ведь я могу лгать.

– Можешь. Но не будешь. Не может человек, так искренне любящий собак, быть подлым. Мы давно поняли, что в твоей жизни случилось что-то страшное, отчего ты постаралась забиться в самую узкую щель и не высовываться. Я обязан тебе за Анну.

– Я ничего не сделала для Анны, – возразила я.

Кристоф замолчал, и молчал долго. Уютно устроившись на кожаном сидении, я разглядывала его, постаревшего за эту неделю на несколько лет. С жалостью и внутренним содроганием, я отметила, как посерели и обвисли его щеки, а от уголков глаз протянулась сеть новых морщин. Выражение глубокой скорби, казалось, навеки, застыло на этом лице. Повинуясь внезапно вспыхнувшему чувству, я потянулась к Кристофу и поцеловала его в щеку. Он слабо улыбнулся и смахнул покотившуюся из глаз слезинку.

– Ты очень много сделала для Анны, – сказал он. – Она нуждалась в заботе и понимании, и ты скрасила ее последние дни. Я этого никогда не забуду.

Кристоф поселил меня в маленькой съемной квартире-студии на Рю Клери. Квартира была хороша тем, что име-

ла два выхода. Кроме того, неподалеку находилась станция метро. Я порадовалась факту, что если придется давать деру, ускользнуть будет проще простого. Если, конечно, драпать придется не от полиции.

Кристоф забрал Бакса с собой. Пес упирался и смотрел с мольбой. Когда за ними захлопнулась дверь, я почувствовала себя предательницей и разревелась.

План бегства из Франции обрисовался довольно четко. Проволочкой было лишь время. Я должна была вылететь сопровождая важного дипломата по зеленому коридору, практически без досмотра. Дипломат вылетал в Москву через неделю. Нас представили друг другу в ресторане, я старалась быть милой, хотя быстроглазый вертлявый французик со сложной фамилией Лефевбр мне решительно не понравился. После получаса неторопливой томной беседы он уже сжимал мою коленку, а еще через четверть часа намекнул, что за помощь я должна его отблагодарить.

– Непременно, месье Лефевбр, – блудливо улыбнулась я, тщательно выговаривая согласные. – Как только окажусь в Москве, я выражу вам признательность самым горячим способом.

– Вы очень красивая женщина, Алиса, – промурлыкал он в ответ писклявым дискантом. – Вряд ли я смогу держаться так долго.

– Утром деньги, вечером стулья, – меланхолично ответила я. Лефевбр моего намека не понял, пришлось цитировать

ему классиков в подробностях. Француз долго смеялся, но ушел разочарованным. Дважды он звонил и порывался назначить встречу, но я мягко отказывала, ссылаясь на занятость. Кристоф несколько раз навещал меня, рассказывая, что Бакс ведет себя хорошо, единственная проблема – совершенно не подчиняется командам. Я хотела поехать, навестить пса, но потом передумала: быстрее привыкнет.

За день до вылета, я отправилась по магазинам, чтобы не обращать на себя внимания отсутствием багажа. Возможно, полиция и разыскивала пропавшую полячку, но меня это совершенно не волновало. И если поначалу вихрь покупок, льющий бальзам на рану каждой женщины, еще как-то увлекал, то под конец дня я загрустила, бродила по улицам совершенно бесцельно, тупо глядя на витрины. В одной из них взгляд упал на антикварных кукол, красивых, в роскошных платьях и шляпках. Я толкнула дверь и вошла внутрь, вздрогнув от металлического перезвона колокольчиков над головой.

Внутри, рядом со стеклянным прилавком, торчала парочка покупателей: экстравагантная дама в диковинном плаще, разрезанном на полосы, и коренастый мужчина с лихо подкрученными кверху усами, что придавало его лицу комичный вид. Дама разглядывала шкатулку, мужчина с мученическим выражением лица ждал, когда совершится сделка. Я отвернулась и посмотрела на витрину с куклами.

Внутри фарфоровые красотки показали мне зловещи-

ми. Лишь несколько кукол, очень красивых, выгодно отличавшихся от своих подруг, стояли или сидели отдельно, украшенные ценниками с несколькими нулями. Куклы попроще сидели на полке рядом и смотрели на меня одинаковыми мертвыми глазами. Чем дольше я вглядывалась в эти пустые, хитрые лица, тем более мне становилось не по себе.

– Вам помочь, мадемуазель? – спросил голос у меня за спиной. Я шарахнулась в сторону и обернулась. Позади стоял невысокий мужчина лет сорока, в синем свитере с кожаными заплатками на локтях. От него пахло кофе, и чем-то химическим, вроде нафталина. В голубых, как аквамарины, глазах отражался свет ламп.

– Простите, – сконфуженно сказал он. – Не хотел вас напугать. Вы хотите что-то посмотреть поближе?

– Не знаю, – честно призналась я. – Хотела купить куклу, но...

– Они вам не понравились? – всполошился он. – У нас очень большой выбор, мадемуазель.

– Не спорю. Потому я и вошла. Но внутри куклы выглядят несколько...

– Зловеще? – спросил мужчина и рассмеялся. – О, не спрашивайте, откуда я это знаю. Я видел выражение вашего лица. Заинтересованность в нем сменилась на тревогу и отвращение.

– Ну, отвращение – это сильно сказано, – возразила я. Но... они так смотрят...

– Вы знаете, что раньше кукол делали без лиц? То есть без глаз, рта и так далее? Считалось, что если «очеловечить» куклу, то зло войдет в нее, оживит и заставит делать страшные вещи. В Японии же куклам приписывались другие магические свойства: они якобы могли излечить от болезней. Японские жрецы делали кукол – мальчика и девочку, с помощью обряда переносили на них все беды, а затем сжигали или бросали в реку. Или, к примеру, куклы Вуду...

– Мне бы хотелось приобрести что-то более позитивное, – прервала я. Настроение стремительно испортилось, и я уже пожалела, что вошла в магазин.

– Думаю, что могу вам помочь, – улыбнулся мужчина и направился за стойку. Покопавшись в куче кукол, он вытащил небольшую коробку и открыл ее. Я ахнула от восторга.

Внутри была не одна кукла, как я предполагала, а две. Изящная красотка в пестром платье, и поддерживающий ее франт в черном костюме и широкополой шляпе.

– Это куклы, танцующие джайв, – оповестил продавец. – Честно говоря, это не антиквариат. Работа современного мастера, пока малоизвестного, но невероятно талантливого. Мы взяли его работы на пробу. Как только я увидел вас, то понял, что вы оказались тут не случайно.

– Сколько они стоят? – шепотом спросила я.

Сумма впечатлила, но не напугала. Я сунула продавцу кредитку и через пару минут вышла из магазина с покупкой, сопровождаемая вежливой улыбкой и пожеланием при-

ходить еще. Реакция продавца была понятна, как и то, что он предложил мне именно этих кукол. Дело в том, что у кра-савицы-танцовщицы было мое лицо.

Возвращаться в пустую, холодную квартиру не хотелось. Я побродила по городу, вдыхая аромат его улочек, и на ка-кой-то момент, покупая в лавочке недорогие безделушки, вдруг почувствовала себя туристкой, которая весело провела время и ждет не дождется самолета обратно на родину. Об-разы Франции уже сейчас мне казались слегка гротескными и ненастоящими. Сердце торопливо колотилось в груди: то ли от смутной тревоги, то ли от радости. Домой, домой...

Я не хотела признаваться, что все время жила в состоянии постоянного нервного напряжения, но сейчас обманываться было глупо. Около двух лет притворства, лжи, паники при виде русских туристов, вынужденного затворничества, отка-за от общения с людьми... Я смертельно устала и хотела до-мой. Пусть я не смогу вернуться в родной город – это слиш-ком опасно, но ведь страна большая. Одна Москва превышает населением Швецию. Куплю квартирку в спальном райо-не, устраююсь на работу, если получится. Хотя с теми день-гами, что лежали у меня в банке, можно вообще ничего не делать всю жизнь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.